

След Соболя

Алексей Кузнецов

Алексей Кузнецов

След Соболя

«Автор»

2026

Кузнецов А. В.

След Соболя / А. В. Кузнецов — «Автор», 2026

Мертвец открыл глаза. Внезапно. Не открыл - распахнул. И в этом ранее ничего не выражающем, мёртвом, бездушном, холодном взгляде сейчас можно было увидеть разум. Такой же холодный, как и сама плоть покойного, но живой. Любопытный, острый, хитрый. Внимательный. - Готов?- Да.- Тогда направляй. И повинувшись воле хозяина, мёртвая плоть сделала шаг. Ещё, ещё Мертвец подошел к самому берегу. Сегодня спокойное море, лизнуло голые ноги, пробежало дальше и так и не найдя за что зацепиться откатилось. Вода была холодной. Но мёртвому было всё равно. Он ничего не чувствовал. Он не испытывал ни озноба, не обращал никакого внимания на ветер, трущийся об его обнажённое тело. Он был мёртв. Единственное что он ощущал это чью-то волю, заставляющую его делать то, чего он не понимал. Волю, гонящую его в океан, заставляющую переставлять ноги, погружаться всё глубже. Ещё, ещё

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	34
Глава 3	62

Алексей Кузнецов

След Соболя

Глава 1

ГЛАВА 1

Месяц выдался жарким. Ночь, бархатным воздушным платком укрывшая небосвод, так и не подарила обещанную прохладу. Мужчина высоко поднял голову, благодаря богов за посланный лёгкий ветерок, который нежно оглаживал лицо и заботливо ерошил волосы, шелестя посеребрённые светом луны вытянутые ивовые листья. Необычайно яркие звёзды заставили смотрящего на них человека, улыбнуться.

- Ты видел, что-нибудь подобное?

- Однажды, - произнёс высокий, тощий старик. – Хотя, может быть и не столь ярко.

- Ты уже видишь имя?

Старец оторвал взор от созерцания звёзд. Его лучащиеся мудростью глаза пробежали взглядом по суровому лицу стоящего рядом воина.

- Рано. «Ещё рано», - ответил он. - "В такую ночь, торопиться нельзя. Никак нельзя".

- Старец вновь вскинул голову вверх, стараясь проследить за сразу несколькими падающими вниз, словно листья в осеннюю пору, звёздами, оставлявшими лишь на мгновение, яркие голубые следы, десятков одновременно летящих к земле огоньков.

Воин сдержано улыбнулся. Он понимал волхва, и такой ответ мага наполнил его сердце гордостью. Гордостью отца за своё чадо, чей приход в мир боги отметили невероятно, для этого времени года, яркой россыпью небесных огней. Воин вновь посмотрел на волхва. Он помнил его еще, когда сам был ребёнком, и сейчас, присмотревшись к облику друида, Клевер вдруг понял, что маг совершенно не изменился. Что этот мудрый, убелённый сединами старик казался, и вовсе позабыл о времени.

- «Ведь, он называл имя ещё моего отца», – немного удивляясь, вспомнил он. – «Не вероятно!..» - Клевер, тайком изучающий, что-то читающего по небесной росписи мага, по-прежнему видел перед собой всё того же высокого, худого, но на удивление широкоплечего старца. Всё так же, десятки лет спустя называющего имена новорожденных детей рода. Имена, которые мог увидеть только волхв. Имена, тесно сплетающиеся с судьбами детей. Имена - тотемы, помогающие наречённому правильно идти по своему пути жизни.

Клевер вдохнул полной грудью. Воздух пах травами, сильно разбавлявшими запах шелестящего плёсом скрытого под ночным покрывалом озера.

- «Не волнуйся», - заметив нетерпение только что ставшего отцом человека, прошептал маг. – «Я увижу. Это Имя, я обязательно увижу!»

Друид отвернувшись от воина, полностью отрешаясь от мелких, незначительных проблем рода, которого он опекал вот уже столько лет, постарался разогнать и свои собственные мысли, как назло сейчас путавшиеся и мешающие сосредоточиться на главном.

- «Неужели это он?» - скользя по видимым только ему линиям узоров созвездий, стараясь, очень стараясь увидеть знак, подсказку, думал он. – «О, Владыка! Я так давно ждал этого». – Маг бросил быстрый, скользнувший взгляд на топчущегося, но не решавшегося уйти Клевера. – «Столько лет! Это просто не может быть кто-то другой. Это он, тот, кого ты хотел найти. О ком говорил мне. Я чувствую это, Владыка. Я чувствую». – Волхва переполняла и радость, от того что он нашёл того кто должен был появиться на свет, предсказанный словом Владыки, и

смятение, из-за того что он ещё не увидел имя. Друид понимал, что времени прошло слишком мало, но глубоко в душе надеялся, что знак будет.

Со стороны озера пробираясь меж склонившихся к земле ветвей ивы, прямо на них, вылетела маленькая, быстро махающая крыльями летучая мышь.

- «Может?..» - с надеждой подумал воин, провожая взглядом, резко ушедшую в сторону, и стремительно скрывшуюся во тьме ночную охотницу. Клевер вспомнил, что и старый Онкар, тоже носил имя этого существа, и что уже давно ушедший на покой следопыт был лучшим в роду. И что от принявшего из уст друида имя – тотем летучий мыши, ещё не ушёл ни один беглец, не смотря на темноту ночи и зачастую совсем не малое расстояние.

- Иди в дом.

Клевер, задумавшийся о, сейчас, наверное, кричащем в избе ребёнке, которого ласково прижимают к себе любящие руки матери, опять улыбнулся.

- Да. Иду, – и уже сделав несколько шагов, обернувшись к волхву, спросил: – Когда ты придёшь опять?

Старый друид видел, с какой надеждой в глазах воин провожал взглядом летучую мышь. Он и сам в первые мгновенья почувствовал просыпающуюся надежду, но тот час же понял, что это будет не его имя.

- Я буду приходить каждый день. – Пристально посмотрев в глаза воину, ответил он. Маг заметил как его ответ и обрадовал Клевера и одновременно смутил его. Но волхв был уверен, что воин даже не догадывается о причинах столь редкого со стороны могущественного друида, покровителя рода, внимания к только что появившемуся на свет ребёнку. Самому обычному, но желанному для матери и отца ребёнку. – «Я буду рядом...» - вновь посмотрев на небо и тут же забывая о Клевере, подумал волшебник.

- Держи равнее! Ногу согни. Вот... - не сильный удар наставника крепкой, длинной палкой, наконец, придал нужное положение телу. – Запомнил?

Велигор, как всегда задумчивый, и даже со стороны казавшийся ушедшим в себя, но как многие уже убедились всё замечающий, оценивающе посмотрел на старающегося не шелохнуться подростка.

- «Запомнил», – уверенно кивнул себе волхв. Друид видел как парень, стараясь не показать, не выдать, разъедающую голень боль, едва шевельнул головой, давая знак наставнику, что да, запомнил. Велигор перевёл взгляд пронзительных, совсем не стариковских глаз, на отошедшего от паренька Клевера. Маг чувствовал, как с каждым днём лучший воин рода становился всё раздражительнее и иногда срывался вот так, как сейчас.

Клевер, так же молча кивнув юноше, уже перешёл к застывшему, в нужном наставнику положении, следующему в шеренге будущему воителю даров.

Волхв встал с удобного, нагретого солнцем валуна. Как всегда, по привычке, прежде чем что-то сделать, мельком, слегка прищурившись, посмотрел на небо. Погода стояла ясная, и всё небо было сплошным светло-голубым, безбрежным океаном покоя.

- «Славно», – Велигор опустил взгляд к земле. – Идём. – Он протянул руку с широкой узловатой ладонью, в которую мгновенье спустя вцепилась нежная, хрупкая ладошка ребёнка. – Пойдём, у нас свой урок.

Маг перехватил свободной рукой посох поудобнее и, сделав первый, широкий, шаг, не спеша пошёл в сторону от тренирующихся, под бдительным оком Клевера, молодых воинов. Малыш, крепко державший его за руку, семенил рядом, стараясь не отставать от шага длинных ног чародея. Друид как почти всегда с ним и бывало, тут же погрузился в свои собственные, скрытые от остальных мысли. Он не увидел, как покорно идущий за ним ребёнок, напоследок всё-таки обернулся, бросая тоскливый взгляд на оставшегося тренировать воинов отца.

Шелестящая листвою берёзовая роща резала глаза чёрно-серыми полосами белых стройных стволов. Волхв выпустил руку малыша и теперь шёл чуть позади с любопытством вертящего головой ребёнка. Друиду было интересно, что привлечёт внимание мальчика? Он давно понял, что дитя Клевера и Неи именно тот, кого он и ждал. Малыш любил слушать мага, он мог подолгу смотреть сидя на корточках, наблюдая за суетящимися муравьями, с утра до вечера строившими свою пирамиду-дом, который был зачастую выше самого наблюдателя. И спрашивал. Спрашивал у своего мудрого наставника о таких вещах, о коих просто ещё не мог интересоваться ребёнок, которому едва исполнилось три. Вот и сейчас, малыш остановился, наблюдая за сидящей на ветке птицей, а когда та взлетела, почувствовав направленное на неё внимание, проводил ту задумчивым взглядом, смешно морща детский лобик, и повернувшись к старому магу, сказал, как говорят дети едва начавшие говорить – Почему лететь?

- Почему летает птица? «Каков вопрос...» - друид опустил ладонь на светлые, шёлковые волосы мальчика и, приложив вторую руку к глазам выскывая уже скрывающуюся в вышине птицу взглядом, улыбнулся: – Таков её мир. Её удел. Судьбой ей дарованы крылья. Это дар богов. – Волхв оторвался от голубого простора над головой и посмотрел на внимательно слушающего его малыша. – Им подвластны просторы небес. Крылья птицы это и её ноги, что носят её в воздушных просторах и её язык. Не удивляйся, - друид, как всегда, как он говорил бы и с более взрослым мальчиком, объяснял малышу то, как устроен мир, то, как создали его боги, то, как понимал это он сам – именно язык. Вон видишь? – Велигор кивнул на стайку лесных голубей сейчас рисующих своим полётом узоры. – Видишь, как та птица переворачивается в воздухе? Вот, вот, смотри, опять! – Маг вскинул вверх руку, указывая пальцем на проделавшие акробатические трюки голубя. – Это он говорит с голубицами, мол, вот каков я!

- А я?

- Ты?

Малыш ткнул пальчиком в птицу.

- «А-а...» Летать. Нет. Это не наш путь. Боги дали нам только ноги. Наше небо земля. По ней мы ходим, из неё выходим, и в неё возвращаемся. Но боги мудры. Посмотри, - друид покрутил перед мальчиком раскрытыми ладонями рук – вот их дар. Это и речь. Вот величайшая награда людей. Именно это и позволяет нам, быть тем, кто мы есть. Боги дали нам магию. Тайный скрытый язык, язык на котором говорят и боги. Он позволяет нам понимать мир, он позволяет нам делать чудо. – Волхв медленно прикрыл глаза и мальчик, видя, как беззвучный шепот губ старика стал писать тайным языком магии узоры заклятья, захлопал в ладоши. Гладкий, крепкий посох друида, который тот неизменно носил с собой, вдруг, в самой верхушке, увлажнился, точно из него потёк сок, словно это была едва сорванная, свежая ветвь. И вот, из следа от, под самое основание срезанного сучка, пробивается и распускает лист, молодой, полный жизни побег.

Мальчик засмеялся. Он всегда радовался, когда старый волшебник показывал свои чудеса. Маг мог что-то тихо шепча подзвать к себе почти любое животное, мог вновь заставить сухой цветок распуститься пышным приятно пахнущим бутонем. Вызвать тёплый щеко-чущий лицо дождик, после которого начинали вылезать из-под земли, бурые шляпки грибов.

- Эх, малыш, – Велигор улыбнувшись, сорвал с посоха молодой побег и протянул его мальчику, жадно тянувшему к нему ручку. – «Ничего. Даст, Владыка и ты сможешь всё делать сам». – Волхв очень надеялся, что ребёнок будет обладать редким даром к волшебству. Он не знал, зачем Траину этот мальчик. Он даже пока не знал, тот ли это ребёнок вообще? Прошло уже чуть больше трёх лет, а у малыша до сих пор не было имени. Волхв просто не мог увидеть его. Он был удивлён. Такого срока до наречения дитя именем, до того как он увидит тотем новорожденного, маг ещё, за всю свою долгую жизнь, не встречал. Он каждый вечер, неизменно вглядывался в рисунки созвездий, он рыскал взглядом вокруг, стараясь усмотреть хоть какой-то знак. Ничего. Любой намёк на будущий путь малыша был от него закрыт. У аридаев рожда-

лись и другие дети, но все они были не такие. Маг, как правило, уже мог назвать имя ребёнка едва что не сразу. Он видел связи души детей с их тотемом-судьбой. Но только не у сына Неи и Клевера. И это всё больше укрепляло уверенность мага в том, что ребёнок именно тот, долгожданный, предсказанный, нужный Владыке. И это всё больше огорчало отца мальчика. Клевер терпел год. Даже когда после трёх месяцев ожиданий, имя так и не было названо, и любящие поболтать женщины рода, начали судачить, да и многие мужчины стали качать головами, Клевер не обращал на них ни какого внимания. Но прошёл год. Два. А имени как не было... Волхв, видя переживания отца, собрал весь род и заявил в голос, что это ребёнок посланный богами, что его имя-тотем скрыто, потому что его судьба ещё плетётся. И что боги уготовили ему такой жизненный путь, что даже до рождения мальчика они ещё не успели закончить его плести. Велигор сказал им, что сама Инвига, богиня судьбы, сидит за прялкой день-деньской прядя нить пути малыша. Но разве это остановит языки людей? Нет. И отец, сильный, смелый, один из лучших в племени даров, видя взгляды которыми начали провожать его или мальчика, которого до сих пор звали просто мальчик, ребёнок, малыш, стал злиться. Он любил мальчика, любил, как может любить воин аридаев, дикого народа, как называли их в просвещённой империи, варваров. Но с каждым днём злость копилась, точила Клевера изнутри. Он стал срываться на юношах, которых обучал в воины. Стал бросать вызовы, реагируя даже на малейшую зацепку в словах мужчин племени. Он становился всё больше замкнутым. Хотя конечно по-прежнему оставаясь лучшим воином даров, лучшим наставником воинского искусства, и по-прежнему пользуясь уважением других мужчин племени. А Нея... Нея просто любила. Любила своего сына, любила Клевера, и казалось, что слова мудрого волхва, успокоили женское сердце. Она совсем не замечала, ни взглядов, не пересудов. Маг улыбался, видя каждый раз, как она прижимает мальчика к себе. Как целует его головку. Как провожает взглядом, когда он забирает её малыша с собой. Волхв чувствовал, как каждый раз её сердце начинает стучать сильнее, когда малыш уходит уводимый почему-то так привязавшимся к нему мудрым друидом на ставшую едва ли не ежедневной прогулку.

- «Ничего», – Велигор посмотрел на игравшего в высокой для него траве малыша. – «Скоро можно будет провести обряд». – Друид больше не получал знаков от Траина, но был решительно настроен посвятить мальчика своему Владыке. И пусть он не мог увидеть его тотем, в душе маг был уверен, что поступит правильно.

- Клевер, – старейшина окликнул воина, сразу обернувшегося на голос Веста. - Клевер, нам надо поговорить.

Воин сдержано кивнул старцу и так же, головой, подав знак молодым даровцам, заметно окрепшим к появлению первых снежных мух, продолжать занятия самим, пошёл рядом со старейшиной племени, державшим путь в дом мудрости.

Крепкий, почерневший от времени, дубовый сруб, между брёвен которого обильно торчал зеленовато-коричневый пушок мха, скрипнул дверью, пропуская в себя людей.

Дом мудрости был самым большим в племени даров. Он мог вместить в себя, при желании, всех жителей, сильно разросшейся за последние годы относительного спокойствия, деревни. Клевер прищурился, привыкая к полумраку большого и единственного зала. Маленькие окошки, засевающие под самым потолком, пропускали не достаточно света, и поэтому, всегда, когда в главном доме даров держался совет, зажигались, коптящие, бьющие в нос гарью факелы.

На дворе уже заметно похолодало, и поэтому Клевер сразу почувствовал волну тепла, окутавшую его, едва он переступил высокий порог. Стоило двери скрипнуть, как в сторону вновь вошедших обернулись многие головы уже собравшихся здесь старейшин других деревень и старших воинов, разбросанных по земле даров дружин. Но не все отвлеклись на кивающего, на приветствия давних знакомых, Клевера, и Веста. Многие наклонившись друг к другу,

продолжали что-то тихо обсуждать между собой. Клевер уже знал, Вест по дороге в дом мудрости, успел вкратце рассказать воину причину созыва: к границе земель даров пришли послы. Воин присел на освободившееся место между подвинувшихся при его приближении старейшин его родной и соседний деревень. Он посмотрел на руки старого Долма, ведущего сей совет и почитавшегося как самый мудрый старец среди всех радов даров. В одной, высохшей стариновской руке Долм держал свиток. Клевер понял, это послание.

- «Вот и конец, спокойной жизни. Светлина, не оставь», – Клевер знал, что если Цесс вновь обратил взор к их земле, то в этот раз это окончится войной. Войной, если конечно дары не согласятся с условиями империи. – «А что тогда?» - думал воин. – «Мир?» - Клевер понимал, что мир, конечно, будет, но свобода, уклад жизни даров?.. – «Нет». Империя станет, не сразу, со временем, сначала даст привыкнуть к себе, но после... После она станет насаждать веру в своих богов, свои законы. Клевер знал, что такое уже случалось с другими родами восточных и западных аридаев. Да и некоторые княжества, граничащие и с аридаями и с гланадарами, не избежали подобной участи. Кого, конечно, просто завоевали, а кого и вот так, послами да договорами. Дали пожить пяток зим в своё удовольствие, а потом всё. Оглянулись, а деваться уже и некуда. Империя глубоко пустила корни. Оплела сладкими посулами, связала торговыми бумагами, бросила в глаза золотые монеты. И потекли в Цесс пушнина и серебро с приисков. А воины, молодые, сильные, коими всегда славились аридаи, служат теперь наёмниками в землях Цессарской империи, раскинувшей свои крылья с юга на север, с запада на восток. Медленно, но верно поглощая всё больше земли, всё большее число народов. И вот уже подошла она к самым рубежам даров.

- Дары! – встав, громко, не смотря на свой возраст, воскликнул Долм. – Сколько мы живём на этой земле? Испокон! – старец обвёл суровым взглядом присутствующих, с одобрением замечая, как кивают в наступившей тишине их головы. – Вот! – он высоко поднял руку со свитком, давая возможность всем, увидеть привезённую посольством Цесса бумагу. – Они прибыли на чёрных конях, разодетые в шёлковые платья, укрытые позолоченными доспехами. Они привезли и золото... - Старец мрачно покосился на довольно большой сундук одиноко стоящий в дальнем углу зала. И Клевер заметил, что некоторые из даров алчно блеснули глазами, нехотя отводя взор от несметных, по меркам рода сокровищ. – Но, что оно нам? – спросил Долм. – Свободные аридаи?

- Ништо! – прокричал кто-то с дальнего угла зала.

- Ништо, – повторил довольный ответом Долм. Он вновь показал свиток. – Они хотят заключить мир. Они хотят, что бы мы, свободные дары, древний род аридаев, стали частью их империи. Они хотят, что бы мы позабыли своих богов! Да не уж-то променяем мы Светлину, покровительницу нашу, заступницу?

- Пусть к Адитаю проваливаются! Что б их мрак побрал! – крикнул всё тот же что и раньше голос. И Клевер заметил, как многие сделали защитные движения рукой, слыша упоминания имени повелителя подземного мира. Защитился и он.

- Да не уж-то Живо дар, Люба, Светлина, оставят нас? Нет! – старец помолчал. – Вот и мы нет! Негоже это, придавать предков заветы. Богов наших. Детей будущее. Давайте решать, дети Дара, как быть. Я говорю – нет!

Друид, молча, смотрел, как Клевер играет с мальчиком. Он видел, как оба радовались, столь редкой возможности поиграть. Ведь, то его отец был занят с воинами, то ходил в короткие, но всё же на несколько дней походы, усмиряя зарвавшихся соседей, пытавшихся вырвать часть берега широкого, рыбного озера, на берегу которого и стояла деревня племени. Волхв сидел на завалинке, возле дома Неи и Клевера и думал над сказанными отцом малыша словами. Велигору совсем не понравилась новость о послых Цесса. Сам он, хоть и с давних пор нарекал детей рода именами, всё же не был соплеменником и поэтом на советы его не звали.

Но и сам Клевер и другие воины, и старцы, и не только даров, но и других племён западных аридаев советовались с мудрым друидом, волхвом который и лечил их тела и спасал посеы и наставлял на путь истинный. Велигор внимательно выслушал точный пересказ воина. Он догадывался, и кто и почему выкрикивал слова одобрения и поддержки старому Долму. Маг был уверен, что это был человек самого старейшины, который не был уверен, что все при виде сундука с золотом и после посулов из свитка, бесспорно и беспрекословно поддержат его отказ. Волхв очень хотел верить, что Долм искренне радеет за племя даров. И даже был уверен, что старец искренне защищает веру в богов аридаев. Но он слишком долго жил на этом свете, он прошёл много земель и побывал в разных странах. Был Велигор и в Цессарской империи. И поэтому хорошо представлял, о чём на совете думал Долм. Старейшина, как и он сам прекрасно понимал, что если земли даров падут под руку Цесса, то вскоре, из империи придут и наместники. О-о, сначала они будут просто советниками при старейшинах даров. Но пройдёт время, и император утвердит единственного правителя ставшей всего лишь ещё одной, глухой провинцией империи,

некогда свободной, земли племени даров народа западных аридаев. И старейшина был совсем не уверен, что это будет он.

- Нея, - обратился волхв к ещё молодой, красивой супруге Клевера, вышедшей к ним из дома и тоже смотрящей за игрой отца с сыном – я возьму завтра мальчика с собой?

- Конечно, – кивнула та. Неи незачем было переживать за сына, когда его брал с собой старый друид. Сердце дарийки видело что мудрый волхв любит её ребёнка. И конечно она знала, на что маг был властен, а посему была уверена, что Велигор способен защитить малыша, даже лучше, чем и несколько могущих мужчин деревни.

- Скажи, мудрейший, - продолжая улыбаться, любуясь игрой и один раз нервно схватившись за дверной проём, когда ей показалось, что Клевер слишком высоко подбросил мальчика, начала она – неужели боги и впрямь всё ещё не могут соткать его путь?

- Это так, – серьёзно ответил волхв. – Послушай меня, Нея. Я назвал твоё имя и имя Клевера. Я дал имена всем, кто сейчас живёт здесь.

- «Ой, пожалуй», – Нею посетила та же мысль что и три года назад её мужа. Она вдруг поняла, насколько стар был друид. А она, как и все аридаи знала, что мудрость живёт в глазах стариков. Они прожили жизнь, они неспроста – старейшины, мудрецы племени. А этот древний волшебник и того паче. Нея не знала никого, кто бы был древнее, чем этот высокий волхв, так привязавшейся к её малышу.

- Я и сам был бы рад назвать имя ребёнка. Ведь негоже, зваться просто мальчиком. Не иметь имя, означает не иметь крепкой связи с миром. Будет сложно правильно выбрать путь. Можно не увидеть знаков судьбы. Но, его имя ещё скрыто. Я увижу, ты верь мне! У твоего сына будет имя. Достойное его имя.

- А может, стоит принести жертву Светлине? Пусть богиня осветит ему дорогу. Может и ты тогда, что увидишь? – девушка с надеждой посмотрела на волхва.

- «Эх, дева», – маг покачал головой. Он знал, что Нея каждый месяц посылает богине дары, подношения. Конечно, обряды матери мальчика были просты, доступны любому аридаю. И что сейчас она говорила именно о магии самого волхва. О таком обряде, который сможет провести, только наделённый даром говорить с богами, с Силами природы, друид. – «Не знаешь ты того, что на сыне твоём лежит рука самого Траина. Не ведаешь, что Владыка уже давно предсказывал рождение сокрытого судьбой». Милая моя, просто жди. Дай срок. Будет имя, будет.

Нея, поджав губы, кивнула, продолжая следить за тем, как малыш пытается догнать Клевера, который отбегал на расстояние и подзывал сына к себе, смеясь и подзадоривая того.

Велигор после сказанного девушкой, вновь задумался о произнесённых, когда-то очень давно словах Владыки. Он был ещё сам молод, немногим старше той же Неи, когда впервые, совершая одно из погружений в мир астрала, почувствовал касание неведомой, могущественной сущности. Бог назвал ему своё имя Траин. Бог принял его на службу. И бог дал ему дар. Бесценный дар видеть связь. Связь души с теми материями мироздания, что влияют на судьбу нареченного. Стоило волхву увидеть правильный тотем, символ имени, как его озаряло, нечто похожее на бесцветную вспышку. Чувство, пришедшее извне знание, будоражащее холодком, кричащее – это оно, это его имя! И ещё ему открылись таинства связей с токами Мидгары. Не сразу, постепенно. Но он знал, что это именно дар Владыки, потянул ниточку, развязал узелок из возможностей самого Велигора. Он стал лучше и быстрее постигать тайные знания волхвов и друидов востока. Вскоре он смог превзойти даже своего учителя, старого чародея из самого Юренийского царства, настоящего мага, обучившего его тайным знаниям риш Индигана. А Владыка... Бог в ответ на дар просил просто служить ему и ждать. Велигор как сейчас, помнил единственное слово, ответ Траина на его вопрос, что он должен делать?

- Жди, – ответила тогда окружившая со всех сторон волхва вечность.

И он ждал. Постигал тайны природы, называл имена, странствовал по миру. Он обошёл пол Мидгары. Ходил по лесам Арты, забредал в земли Хеттона, изучал мистерии южных стран Экры, и читал книги о пантеоне Цесса. Его бог не требовал, что бы волхв поклонялся только ему. И Велигор был признателен Владыке за предоставленную свободу. Ведь многие заклинания могли сработать только при обращении к другим божествам Мидгары. И именно в этом сам волхв видел недостатки веры жрецов Цессарской империи. Их боги были ревнивы. И можно было выбрать только одного покровителя. И именно даром его магии пользоваться всю отведённую жрецу судьбой жизнь. Велигор ждал. Пока однажды, вновь не услышал голос Владыки. Бог назвал магу один народ - Дары. Траин велел идти к этим людям и ждать рождения нужного самому Владыке ребёнка. Бог не сказал, когда дитя должен появиться на свет. Он просто сказал, что его имя будет укрыто даже от самого волхва и что он сам поймет, что ребёнок именно тот. Велигор стал искать даров. Вскоре, он выяснил, что это племя аридаев, варварского народа, чьи предки очень давно, ещё в седой древности вышли из земель самой древней и тайной страны Хет - первого государства людской расы Мидгары. И вот, спустя столько лет родился этот малыш. Мальчик, который сейчас неистово хохотал, подлетая высоко вверх и опускаясь в сильные руки Клевера.

Белая, щекочущая кожу мушка, уселась на самый кончик носа строго мага. Друид смахнул и без того бы вскоре растаявшую снежинку пальцем. Велигор остановился, потянул носом, словно принюхиваясь, поднял голову вверх, стараясь разгадать замысел ветра обдувающего лицо и, на миг, замерев, но за это время уже успев узнать, всё что хотел, посмотрел вниз. Туда, где у его ног встал, ожидая, и не сильно держась за его ладонь мальчик.

- Холодает, – уверенно произнёс волхв. Маг немного нагнул и двумя широкими ладонями стянул края одежды ребёнка плотнее, тут же утягивая и сдерживающий их поясок. – Так-то лучше. – Он выпрямился, с улыбкой глядя на перетаптывающегося в нетерпении мальчика. – «Теперь не продует». Это снег, малыш. Сегодня, должно быть, успеет припорошить всю землю. Но это не зима. Ещё нет. Я думаю, завтра уже сойдёт. Растает. Тебе нравится снег?

- Да, – сын Неи кивнул. Он уже сидел на корточках и макал пальцы в белый тающий от их тепла пух.

Волхв кивнул соглашаясь. Маг старался всё объяснять малышу. Рассказывать о том, что тот мог видеть. О том, что снег, это замерзшая вода, что гусеница, которую малыш как-то нашёл этим летом на лесной тропе, скоро превратиться в красивую бабочку. Велигор рассказал тогда малышу, что сие превращение есть чудо, волшебство. Прекрасный пример того как действует и магия. Друид всегда старался побольше говорить о волшебстве, об устройстве мира, о сути вещей

и окружающей их природе. Он говорил с мальчиком как с взрослым. Он объяснял ему, даже если и видел, что тот увлёкся какой-то своей, детской забавой. Велигор долго размышлял, иногда сидя и наблюдая за играющим в траве малышом, зачем тот понадобился Владыке? Что хранитель тропы, увидел в мальчике?

- «Да и как?» - думал тогда он. – «Как? Если сам Траин не знал, когда точно родится дитя. Мальчик или девочка?» - волхв уже был уверен, что это именно тот малыш. Тот самый. И дело было не только в невероятном сроке имянаречения, который меж тем, всё тѣк и тѣк. Просто, старый друид, наблюдая за малышом, чувствовал это. Не знал, сколько сам не копался в своих ощущениях, силясь понять их природу, причину своих чувств. Чувствовал.

- Возможно, я просто этого хочу? – как-то глядя на спящего мальчика, прошептал он.

Но ещё, в чём он себе старался не признаваться, он страшился этого. Он был старым, мудрым, повидавшим многое за свою не простую, полную странствий жизнь. И он как никто другой хорошо понимал, что значит ощутить на себе руку могущественного божества. Вообще старый маг не любил богов. Некоторых боялся, некоторых уважал. Но никого не любил. Даже Владыку. Да, он был благодарен своему покровителю за его дар. Но мальчик... И так было всегда, стоило Велигору всмотреться в улыбку ребёнка, услышать его смех, ощутить тепло нежной ладошке, маг задумывался о судьбе мальчика.

- Не устал? – волхв посмотрел на идущего рядом с ним ребёнка. Тот, глядя вперёд, покачал головой. – Ну и молодец. Нам немного ещё идти. Почти уж пришли. Во-он, - друид указал рукой, немного присев, вперёд, туда, где за деревьями виднелся не очень высокий ар – пологих маленький холм. Именно то место, куда и вёл малыша – видишь холм? Это очень древний ар. Но чистый. В таких местах легко ощутить связь с астралом. Открыть врата. Волшбу сотворить. Только вначале проверить нужно, что бы духи, какие, не мешались. – Как всегда пустился в объяснения маг. – Духи такие места, ой как любят. Чувствуют, что грань здесь тоньше. Вот и выются, овиваются. А дух, малыш, то существо, что весь узор волшбы порушить способно. Посему, всегда проверять надобно. А если найдёшь духа рядом, защиту поставь. Отгони прочь.

Не смотря на то, что с неба падали мелкие хлопья снега, было достаточно тепло, и снег под ногами не хрустел, как это бывает в мороз. Маг на миг оглянулся, глядя на две вереницы оставленных ими следов, из которых подымались раскручивающиеся листья, и вставала прижатая их весом трава. А вокруг белое пушистое покрывало.

- Но есть и польза, – всё ближе подходя к ару, продолжал поучать мальчика волхв. – Духа можно и на службу подбить. Не всякого конечно. Есть и такие, которых сторониться надобно. Сильные, злые. Но тех что по проще... Те послужат. Вы их лесовиками зовёте, русалками, домовыми... Много их разных. И заклятья есть, что свяжут их волю. А со многими и договориться можно. Вот ты думаешь, почему мамка твоя крошки хлебные со стола в мисочку деревянную собирает да под печку ставит? А бывает, что и молока плеснёт? – Маг прошёл какое-то время молча, и не дожидаясь ответа продолжил: – Правильно. Духу, что дом бережёт. От злых сил избу защищает. За очагом следит, огонь караулит. И коле искра, какая, по недогляду вылетит, потушит. Так вот это и есть, по добру, по договору. Конечно, многие дома пустые стоят. Ставь, не ставь, молоко аль хлебец, а духа нет. Но бывает, что и приходят. Конечно чаще, это когда дух потомственный. Издревле в избе обитает, с прапрадедов ещё... А вообще, дух-оберег в доме редкость. Но у вас есть, живёт. – Друид улыбнулся. – Я знаю.

Пока старый Велигор говорил, ар уже приблизился и сейчас смотрел своей округлой, покрытой травой и снегом головой на пришедших к нему. Маг снова потянул носом, в этот раз, ощущая как Сила, что связывает ткани мира, течёт сквозь землю холма, утекая куда-то вглубь, к самим чертогом повелителя Адитая. Начиная свой бег где-то за синью небес, там, где Мидгару обволакивала тонкая сеть астрала.

- Ты посиди здесь, поиграй, – посмотрев на малыша, ласково сказал тому волхв. – А мне проверить всё нужно. Не занял ли кто холмик, не обжил? «Да и ещё кое-что сделать надо».

Велигор долго думал накануне. Он уже и сам, не то, что Клевер с Неей, истомился в ожидании знака. Маг решил, что сегодняшней день, очень хорош по многим меткам, что бы вопрошить вселенную о судьбе мальчика. Что бы увидеть имя. Разглядеть в веренице хитросплетенных чужих судеб тотем малыша. Единственную, верную линию, пути жизни нарекаемого. И вчерашний разговор с Клевером, был ещё одной причиной пойти на это.

Подойдя вплотную к подножию ара, маг поклонился растекающейся здесь Силе. Пропшептал слова приветствия Светлине, покровительницы земли аридаев. Попросил богиню зари, не чинить препятствий. Ведь заклятия что маг собирался сейчас применить, изгоняя, на время конечно, уже занявшего этот холм лесного духа, творились на земле подвластной этому божеству. И к тому же, и это известно было всем, смертные маги, волшебники, колдуны, друиды, были в не очень хороших отношениях с богами Мидгары. Особенно это чувствовалось в землях Цессарской империи. Стране множества богов. Государстве, где поклонялись пантеону восьми, и целому сонму более мелких божков. В империи волхвы, друиды, мистики востока зачастую в открытую подвергались гонениям. Их притесняли, считали шарлатанами. Жрецы – служители восьми, не пускали на службы тех, кто давал приют магам, кто содержал при дворах волшебников. Конечно, волхвы в империи всё же были, находили тёпленькие места, и даже умудрялись добиться высокого положения при дворе какого-нибудь сенатора или богатого аристократа, но то были единичные, редкие случаи. Цессом правили жрецы. Жрецы и их боги.

Велигор ещё раз оглядел холм. Маг убедился что дух, которому так приглянулось это место Силы, только один. Кивнув самому себе и бросив ласковый взгляд на играющего неподалёку ребёнка, друид переложил посох в правую руку и, сделав шаг в сторону от холма, неспешно побрёл вокруг ара. Волшебник шёл не спеша, при этом он что-то тихонечко нашёптывал себе под нос. Его посох, крепко зажатый в сильной руке, плыл рядом. Он едва касался пробивающейся над снегом травы. И точные, выверенные росчерки мага оставляли им, едва заметные на снегу отметены. Велигор сделал один полный круг, не спеша, обойдя холм. Теперь древний ар окружало зелёно-бурое кольцо, оставленное в лишенном идеальной белизны снегу сапогами волшебника, и едва заметная глазу фигурная вязь следов посоха. Когда своим последним шагом друид замкнул круг, его волосы вдруг немного взметнулись вверх и тут же опали. Было, похоже, словно их взьерошил небольшой порыв ветра, хотя погода была на удивление тихая.

- Вот и всё, малыш. – Маня ребёнка рукой, подойти к нему, молвил старый друид. – Это заклятье что я сейчас сплёл, вот, видишь следы? Удержит лесовика. А когда мы уйдём, вскоре рассеется. Не будем занимать чужой дом. – Волхв улыбнулся.

Мальчик подошёл к магу и в надежде, что сейчас с ним поиграют, лукаво щурясь, заглянул Велигору в глаза.

- «Не сейчас, мальчик мой». Не сейчас, малыш. Сейчас я расскажу тебе сказку, – друид уселся к подножию холма, но так, что его ноги не выходили за пределы протоптанного им кольца. – Ты ведь любишь сказки? Ведь так? – он улыбнулся, видя как мальчик кивает и пытается поудобнее устроиться на укрытых толстым плащом коленях волхва.

- Слушай, – начал маг, одновременно прикрывая глаза и погружаясь в текущий сквозь астрал поток энергий уходящих вглубь ара. – Есть такие места. Места Силы. Ещё о них говорят – места отмеченные богом. В далёкой империи Цесса, над таким местом возводят храм. Цесс вообще славен храмами. О, это красивая страна, красивый город. Величественный! Там белые храмы и зданья. Колонны и статуи. Там каменные дороги, а в домах есть вода. Да, да, ... но я отвлёкся. – Велигор погладил мягкие волосы внимательно слушающего его завораживающий, убаюкивающий голос мальчика. Волхв уже полностью погрузился в переплетение потоков текущей Силы. Его разум, давно привыкший без долгих медитаций сливаться с полем астрала, что волшебник практически не отвлекаясь, одновременно с этим говоря с мальчиком,

уже нашёл нужное ему русло и сейчас тѣк по невидимым венам Мидрагы, ища ответ. Ища имя. – И у вас, даров, да и у других аридаев, есть такие места. Как это. Ты знаешь, что на вершине холма, лежит камень? Лежит. – Подтвердил волхв. – Молельный камень богини зари, Светлины. На камне том, чудо-птица вырезана. Птица с головой девы. Это и есть сама Светлина. Когда подрастѣшь и ты в зарин день на ар ходить станешь. – Маг уже полностью, без остатка погрузился в мелькающее перед ним действо.

Нити всевозможных цветов, жѣлтые, голубые, серые... выстреливали резко, из неоткуда, и пробежав, пролетев в пустоте растворялись в ничто. Или рвались. Велтигор знал – это оборвалась чья-то жизнь. Вернее оборвѣтся. Особенно хлипкими были серые, но иногда, беззвучно, а там где сейчас находился своим существом маг, стояла абсолютная тишина, расплеталась нить и иного цвета, голубая, жѣлтая...

Велигор вначале колебался, стоит ли так рисковать судьбой мальчика. Но неизвестность, годы ожиданий... И волшебник решил. Хотя понимал, что уже почти уснувший у него на коленях малыш, сейчас соприкасается своей сутью, своей душой с душой самого мага. Велигор надеялся, что став проводником между мальчиком и астралом их мира, он сможет подстегнуть, поторопить время. Он очень хотел после этого действия, наконец-то увидеть знак, понять имя.

- «Хм», - задумчиво протянул волхв, когда заметил над своей головой, в мире астрала, некую воронку, спираль. Он пригляделся к сворачивающимся над ним нитям. Такого старый друид ещё ни разу не видел. Нити продолжали течь, пропадать, рваться, появляться вновь. И снова пропадать. Но некоторые из них, яркие, голубые, желтые, встречались даже редкие красные и даже, не видимые ему ранее бледно-зелѣные, почти прозрачные, тормозили свой бег. Скручивались в небольшую спираль, словно водоросли, плывущие по кромки омута, но тут же распрямлялись и текли дальше. – «Необычно. Возможно, это опасно». – Друид подумал о уже уснувшем ребѣнке. – «Нет, так рисковать нельзя!» - волшебник не знал, что это было за явление, но понимал что, скорее всего это было вызвано тем, что он попытался вмешаться в ход иных сфер. Гораздо могущественнее и не до конца понятных ему. В дела богов.

Велигор разорвал контакт, выводя свой дух из мира астрала Мидгары. Маг полностью открыл глаза и посмотрел на улыбающегося во сне мальчика.

- Спит, – тихо прошептал волхв.

У самой близкой к холму ели, дѣрнулась ветка. С пушистой зелѣной лапы посыпался рыхлый снег. Маг сузил глаза. Он был стар, но зрение волшебника было ещё очень хорошим, и друид сразу заметил, что за зверь успел спрыгнуть к подножью ели.

- «Интересно», – Велигор лишь внешне оставался спокоен. Внутри же мага сжалась тугая пружина. Пружина нервов, чувств, надежды. Волхв замер. Положа свою широкую ладонь на голову посапывающего ребѣнка, волшебник прищурил глаза и без отрыва стал следить за робким шевелением под нижними лапами дерева зверька.

Зверь, до этого сжавшись в комок, распрямился, всё ещё прижимаясь длинным телом к земле. Замер. Немного вытянул шею. Короткими рывками головы поводил в воздухе черным носом и, сделав пару коротких шажков, вновь уселся и замер.

Друид знал, что находясь так близко от ара с потоком Силы, да ещё и отгородившись сдерживающим лесного духа заклинанием, он практически оставался, не заметен, и для зверька. Главное было не двигаться. Вскоре, его ожидание оправдалось. Зверь решил, что никакой опасности нет. Он несмело сделал ещё один короткий шажок, посмотрел во все стороны, высоко вытягивая на длинной шее мордочку, и наконец, побежал.

Зверѣк бежал прямо к холму. Не на сам ар, но так, что его путь пролегал почти вплотную с подножьем холма. Едва перейдя на бег, зверь стал передвигаться длинными прыжками, оставляя за собой дырки-следы в снегу. У самого холма, почти напротив того места где сидел замерший и внимательно смотрящий на зверька маг, он остановился. Задумчиво посмотрел на

мага, так словно видел перед собой лишь холм, вновь потянул носом, что-то тихонько взвизгнул, и снова пустился вскачь.

- «Резвый какой», – улыбнулся волшебник, провожая уже далеко умчавшегося зверька взглядом. Всё ещё сдерживая рвущиеся наружу эмоции, друид аккуратно разбудил едва заснувшего малыша, сейчас сонно протирающего глаза сжатыми кулачками. Когда мальчик встал на ноги, волхв быстро подошёл к следу, оставшемуся на тонком бархате снега. Зверь был уже на другом конце луга, когда маг, припав на колено, упёрся ладонью с широко расставленными пальцами о землю, и так низко прислонил повёрнутую в сторону убегающего зверька голову, что едва не коснулся щекой холодного белого покрывала. Друид прикрыл глаза и точно как совсем недавно сам зверь, повёл носом, словно хотел вобрать в себя все запахи оставленные лапками существа. И когда волхв проследовал, ведя голову вдоль линии маленьких точек в снегу и уже начал открывать глаза, зверь, скрывшись где-то уже за первыми деревьями той стороны луга снова взвизгнул.

- «Он!» - дернувшись, вскрикнул маг. – «Он!!» - старый Велигор улыбался. В тот миг, когда вдалеке раздался голосок зверя, а сам волшебник едва приоткрыл глаза, следуя неведомому чувству, ведущему его вдоль следов на снегу, в голове, всем естеством, волхв ощутил связь. Связь, в которую слились и миг времени, в котором он сейчас пребывал и красочный образ зверя, играющий блеском шкуры на белом не долговечном снегу осени, и росчерк яркой голубой нити, впившейся в его разум острой холодной вспышкой. Маг увидел тотем. Тотем – имя. Имя, которого он так долго ждал, имя которого ждали все: Нея, Клевер... Имя, которое не мог назвать ему бог. Имя мальчика.

- Идём, – поднявшись с колен и всё ещё продолжая улыбаться, сказал, глядя лучащимися радостью глазами на подошедшего к нему малыша он. – Обрадуем мать с отцом. Обрадуем всех. – Волхв всё ещё и сам до сих пор не мог поверить, что они дождались, что у ребёнка, уже больше трёх лет ходившим под этим небом безымянным, теперь есть имя!

Волшебник всё ещё продолжал улыбаться, когда взяв малыша за руку, повернулся в обратный путь и, смеясь небу, сделал первый шаг к дому. Едва его сапог коснулся земли, а взор устремился над макушками шумящих деревьев, сердце старого чародея кольнула острая, ледяная игла страха.

Вверху, вдали, над деревьями, высоко в небо подымался столб серого, грязного дыма. А чуть в сторонах от него едва лезли ввысь ещё несколько более бледных и тонких извивающихся дымных рукавов.

- «Беда!» - тут же пришла первая мысль. Ударила в голову. Заставила думать, перебирать варианты. – «Дым! Деревня! Беда!» - одно за другим проносились мысли-слова. Своей интуиции маг доверял давно. И поэтому не тешил себя надеждой, что всё ещё обойдётся. Что это всего лишь большой костёр, зажженный по какому-то случаю. Нет. Велигор в это не верил. Он знал – в деревне беда. Он был уверен – горят дома даров. Но вместе со словом «беда», маг ощутил то, в чём ещё был не до конца уверен. Только сейчас, видя, как за лесом горит родная деревня мальчика, он вдруг понял, теперь он был в этом уверен – это тот ребёнок. Тот самый. Тот, которого он так долго ждал. Тот о ком предрекал Владыка. Маг держал за руку мальчика нужного Траину. Хранителю тропы. Богу.

И сердце старого мага кольнуло вновь. Велигор испугался за малыша. Испугался себя, своих мыслей, сейчас, когда он быстро шёл в сторону горящей деревни, плёткой хлеставших его совесть.

- «А что, если это всё я?» - думал волхв. – «Что если это всё из-за того что я решил перехитрить судьбу? Вмешался в игры богов». – Он ускорил шаг, косясь на уже начавшего опаздывать за ним мальчика. Ребёнок почувствовал настроение мага и сейчас едва что не всхлипывал, но пока не плакал. Только глаза немного увлажнились.

- «Не надо мне было вмешиваться!» - продолжал корить себя волхв. - «Ведь я же, старый дурак, прекрасно знаю, как тонки те материи, как хрупка грань! Я знаю. И всё равно полез!» - друид, видя над деревьями дым, в эту минуту думал, что это именно его вмешательство запустило такой механизм судьбы мальчика. Он, наконец-то увидел имя. И именно в это время пришла беда к дарам. Именно после этого, как он вмешался, решив поторопить события, он и понял, что это ребёнок указанный Владыкой. - Что теперь будет? - беря на руки споткнувшегося малыша и прижимая к себе одной рукой, второй маг выкидывал вперёд посох, сейчас сильно помогающий при ходьбе.

Волхв несколько раз менял руки, перекидывая малыша прямо на ходу, не останавливаясь. Он спешил, как мог. Но в этот раз Велигор ушёл достаточно далеко от деревни Клевера и теперь знал - опоздает. - «Хоть бы живы были. Живы». - Успел подумать друид, прежде чем смог хоть немного разглядеть за стволами редеющих с приближением к деревне родителей мальчика, то, что стало с избами племени.

Велигор крепко прижал ребёнка к груди. Маг стоял за широким стволом старого дуба и сейчас с опаской, напрягая глаза, высматривал таящуюся среди обгорелых остовов домов опасность.

- «Как же так?.. Кто мог? Такое!!» - старик не мог поверить в то, что сейчас видели его собственные глаза. Он не уверенно, продолжая ждать нападения, покинул временное укрытие, выйдя из-под защиты древнего дуба.

Во всей деревне не осталось ни одной целой избы. Все дома были сожжены. Перед домами, то здесь, то там, валялась разная домашняя утварь. Вилы. Топор. Недалеко от своей ноги он заметил длинный тесак, нож которым обычно кололи свиней. И руку. Чью-то руку, до сих пор крепко сжимающую деревянную рукоять ножа. Руку, которая оканчивалась у запястья, пачкая снег, красной, разбрызганной вокруг среза кровью.

Тел нигде видно не было. Не лежали мёртвые, ни враги ни селяне. Не было слышно стонов раненых.

- Да что же это... - Волхв продолжал осторожно ступать по исчерченному кровавыми росчерками, перетоптанному множеством ног снегу. Велигор не представлял, кто мог напасть на деревню клевера. Большую деревню. Маг знал, что аридаи хорошие воины. А в племени даров было много сильных мужчин. Снег в деревне почти растаял или был сильно притоптан, поэтому было тяжело разобрать, что же случилось и откуда пришли враги. Маг не верил, что это сделало соседнее племя. Ведь и они тоже - аридаи. Да, стычки были. Но что б такое!

Велигор посмотрел под ноги.

- «Что это? След?» - маг разглядел едва заметный след на уже почти заново выпрямившейся траве. Да и лоскутки снега, лежащие здесь, были вдавлены в землю чуть сильнее и были какими-то гладкими. Словно по ним что-то тащили. Прижимая голову ребёнка к себе, так что бы его глаза, не смогли увидеть творящегося вокруг ужаса, маг, медленно идя по следу, подошёл к тому, что когда-то именовалось в деревне как дом мудрости.

- Нет... - тихо выдохнул волхв. Его лицо побледнело, стало похоже на цвет седых, белых волос. Он сглотнул, горькую и от дыма кострищ и от боли разрывающей грудь слюну.

Дышащие жаром угли - всё, что осталось от дома мудрости даров. Не кусочка уцелевшего дерева. Только красные, слипшиеся друг с другом в плотный ковёр-корку, мерцающие угли.

- «Магия», - тихо прошептал волхв. Он был уверен, что здесь не обошлось без заклятья. Маг посмотрел вокруг. Простые дома ещё догорали. Кое-где на брёвнах плясал огонь. Сбоку раздавался треск. Это упало перегоревшее пополам бревно. Но дом мудрости... Он был просто огромен по сравнению с другими постройками деревни. Его толстые дубовые брёвна горели бы долго. Да и успели бы прогореть, за то время что волшебник возвращался в деревню, то же было вопросом. - «Нет, - выбросив вперёд руку с чёрным, похожим на уголь порошком, снова прошептал маг, - это магия». - Теперь крепко сжимающий зубы и играя желваками друид,

был в этом уверен. Старый волхв смотрел, как брошенный им порошок вспыхивает зелёными искорками-огоньками. Порошок мага был настолько мелок и легок, что даже в эту, безветренную погоду его успело разнести над большей частью сгоревшего дотла главного строения даров. И сейчас, маг с разъедающей грудью тоской смотрел, как зелёные искорки порошка рисуют в воздухе над переливающимися жаром углями странный, неведомый доселе друиду узор уничтожившего дом мудрости заклинания.

- «Что за волшба?» - волхв присел на корточки, продолжая прижимать мальчика к себе, и потянувшись рукой, стараясь сохранить равновесие, осторожно дотронулся до ставшего единым пласта пожарища. И хоть он и не мог узнать плетения этого заклинания, за то теперь знал то, во что до сих пор верить просто не желал. Он это знал, но всё в его душе кричало – этого просто не может быть!

Маг тяжело поднялся, поддерживая обеими руками ребёнка. Он клял себя за глупость, что не сделал этого раньше, но он был так потрясён увиденным, поэтому только сейчас стал шептать на ухо мальчику убаюкивающие слова усыпляющего заклятья.

- «Какие твари могли пойти на такое!? Нелюди!» - всё внутри старого волхва клочкотало. Его сердце обливалось кровью, но он уже ничего не мог сделать. Оставалось только скорбеть. По следам, оставленным на примятой траве, там, где следы от сапог отпечатались лучше всего, вминаемые особо тяжёлым весом, где лежал примятый снег, было件нятно, что всех даров и живых и мёртвых и раненых, стащили, загнали в дом мудрости. А после... после подожгли. Наложив заклинание, которое в считанные мгновенья охватило всё строение пламенем, пожирая языками огня и дерево дома и тела обречённых на чудовищную смерть людей. Не осталось никого. Деревня даров была мертва.

Велигор ещё долго молча, стоял и смотрел на даже не думающие затухать угли. Мальчик на его руках тихо спал, погружённый в сладкий мир грез, сотворённый волшебником. Наконец, будто сам, очнувшись от о сна, друид поднял голову глядя прямо перед собой.

- Что ж, – тихим, печальным голосом молвил он. – Нам надо идти. Не бойся малыш, всё у нас будет хорошо.

Всё так же, с ребёнком на руках, волхв обошёл каждое пепелище, все, что осталось от некогда большой и сильной деревни гордого и свободного народа аридаев. Последним, маг стал обходить бывший дом Клевера. Всё что осталось от дома родителей малыша, это даже не обгоревшая завалинка и едва державшаяся, что бы не упасть, правая опора крыльца. Перед самым крыльцом волхв заметил измазанные в крови вилы с коротким, перерубленным древком. Велигор подошел ближе. Его внимание привлёк не след разбрызганной возле вил крови, хотя маг догадывался что это скорее всего Нея успела пырнуть врага ржавыми острями зубцов. Волхв заметил тусклый блеск, отразившегося от чего-то лежавшего в траве, пламени догорающего огня. Подойдя ближе и нагнувшись, Велигор увидел, что это святец: амулет-оберег Неи, которой она всегда носила у себя на груди. Подняв оберег, волхв вытер кругляш пластины о края одежды, стирая размазанную по солнцу, выгравированному на обереге кровь.

- «Что же не уберегла? Не защитила?» - спросил с вновь с силой сжавшей виски болью волшебник Светлину, глядя на орнамент лучей солнца, бежавший по кругу амулета. Оберег продолжал играть совсем не тёплыми ласковыми лучами, а бликом пожарища, красным отблеском смерти. А богиня зари, та в которую так верила мать мальчика, ту которой так поклонялась, оставила скорбящего волхва без ответа.

Велигор положил оберег в одежды и на миг, зажмурившись, медленно, полной грудью вдохнул воздух пахнувший гарью, пахнувший болью, слезами и полный шёпота кричащих в языках пламени душ. Вдохнул, что бы помнить. И тут же, развернувшись и больше не оглядываясь назад, маг пошёл прочь.

Несколько последующих за трагедией постигшей деревню даров дней, маг просто не знал, как ему поступить. Что делать дальше? Он просто сидел на скамье в своём доме и молча смотрел на играющего, на расстеленных на полу шкурах мальчика. Дом волхва стоял особняком в паре часов ходьбы от деревни Клевера, если держаться правого берега озера. Это было уединенное место, окружённое со всех сторон высокими соснами и окутанное музыкой журчащего недалече ручья. Все эти дни Велигор был полностью погружён в невесёлые, мрачные раздумья. Подумать старому волхву было над чем. Он вновь перебрал в голове все события, что приключились с ним в эти дни. Ещё раз обдумал решение привести мальчика к ару с Силой, и то, что случилось сразу же после того как он всё-таки смог прочесть его имя.

- А что если, так и должно было быть? Что если это всё его путь? «И тогда не важно, что сделал я – это случилось просто потому, что это его судьба». Но, боги, что же у него за судьба? «Если уже сейчас на его долю выпало такое?»

Ещё несколько дней маг колебался, стоит ли поступить так, как ему очень хотелось. Ведь он надеялся, что этим он снимет с себя ответственность и за судьбу ребёнка и освободится от сомнений продолжающих терзать его – а что если?.. К тому же ребёнок стал часто плакать и звать маму.

- «Что мне тебе сказать?» - печально смотря на малыша, спрашивал себя маг.

Наконец волхв принял твёрдое решение: – «Завтра я сделаю это». – Уверенно произнёс он. – Завтра я посвящу тебя Траину. – Улыбнувшись ребёнку, ласково сказал волхв. – «И пусть хранитель тропы, решает сам».

Сонное заклинание подействовало сразу и быстро. Мальчик уснул крепким, дарующим покой и забвенье сном. Друид развязал ремешок удерживающий одежду ребёнка. Приподняв ему голову - стянул рубаху. Какое-то время волхв смотрел на голое тельце малыша. Положив ладонь на грудь мальчика, Велигор ласково провёл по мягкой гладкой коже, поглаживая.

- «Пора», – маг выдохнул.

Волшебник встал, и ещё несколько мгновений просто смотря на дитя, взял его на руки и, ногой открыв дверь из дома, шагнул на дыхнувший прохладой двор.

Святылище, маг сложил за домом, не далеко, едва перейдя ручей. Основу для алтаря Великор сложил из камней, взятых в ручье. Сверху же маг аккуратно сложил со срезанными под основание сучками, толстые сосновые ветви. Он старался, что бы поверхность получилась как можно ровнее, что бы случайно не повредить кости мальчика. На ветках, Велигор вырезал ножом древние руны. Сверху бросил тонкую шкуру ягнёнка, нарисовав на ней загодя черной змеиной кровью символы помогающие удержать врата астрала открытыми. Маг знал, что задумал сложное. Ему ещё ни разу не удавалось самому достучаться до Траина. Бог всегда сам, находил и говорил с ним.

Волшебник аккуратно уложил мерно дышащего мальчика на шкуру.

- «Прав ли я?» - прислушиваясь к себе, спросил волхв. Он понимал, что у него просто нет иного пути. Не мог же он просто сидеть и ждать когда ещё божество обратит на смертных свой взор? – помогите мне духи... - прошептал друид, выдыхая на холодный воздух облако пара.

На небе, тускло загорелась первая звезда. Задрвав высоко голову, волхв стал очень медленно выдыхать, рождая у себя в груди ровный протяжный звук, который потёк в сереющее небо, завитками тёплого пара. Он выдыхал долго, очень долго. И когда воздуха в лёгких мага не осталось совсем, а звук, текущий из его рта Велигора перешёл в еле слышный шелест, над сложённым им алтарём стал проступать еле видимый, прозрачный, тускло мерцающий светом луны, символ. Маг не зря выстроил свою избу здесь. В месте, где был доступ к потокам Сил. Конечно, Силы здесь было не в пример меньше чем у ара Светлины. Но достаточно. Друид сплёл заклинание открывающее ему дорогу к астралу. Он связал сотворённые им врата с символами из змеиной крови. Теперь чародей мог не опасаться, что врата внезапно захлопнутся,

выбросив его в пласт бытия смертных, оборвав ритуал. К моменту полного открытия врат, знак, загоревшийся над обнажённым ребёнком, сделался ярче. Казалось, он приобрёл плотность.

- Руна имени наречённого... - начав тихо, еле слышно, но с каждой буквой всё громче, протяжно, певуче, вымолвил первые слова ритуала волхв. – Возгорись! Воссияй, ярко, знаменно! Бог могучий, Бог праведный, услышь глас мой! Ответь! Отзовись, хозяин тропы тайной! Могучий Траин! – продолжая едва что не кричать, глядя перед собой и в то же время словно куда-то ввысь, волшебник слил частицу своей собственной души вплетя ту в уже совсем словно обретшей плоть знак, горящий над грудью обдуваемого холодным ветром мальчика. Дух самого Велигора должен стать маяком, путеводной звездой. Тем, что как надеялся маг, привлечёт к себе внимание бога блуждающего где-то в необъятной, непознаваемой разумом смертного пустоте.

Друид, постоянно делающий пасы руками над грудью ребёнка, чертил в воздухе перед мальчиком знаки и символы, слова тайного языка, мёртвого языка, языка риши – мудрецов востока. И вот, кода казалось, руна над малышом больше уже не может стать плотнее и ярче, а в небо потекли, тая в вышине, вязнув в сереющем небосклоне линии и узоры волшбы волхва, маг почувствовал что что-то, какая-то сила откликнулась на его зов. Он не мог быть уверен, что это именно Траин. Это мог быть любой из богов Мидгары. Это даже мог быть и вовсе не бог. И это было опасно. Но другого пути у Велигора попросту не было. Он не знал другого пути. А посему маг, на краткий миг, замерев, поднял над мальчиком руку с тем, что было зажато меж пальцев крепкой старческой ладони. Он должен был сделать это. Он должен был успеть отдать малыша Траину. Иначе... иначе дитя могло стать жертвой кого-то из демонов астрала или... его мог забрать себе другой бог. И Велигор резко опустил руку.

Кровь выступила из пореза тут же. Едва старый волхв рассёк, надрезал нежную кожицу малыша острым листом тиоха – редкого в этих местах с острыми листьями растения, режущего не хуже скальпеля врачевателя. Разрезы, оставляемые этим растением были очень тонки, и человек мог запросто умереть от потери крови оказавшись, по какой-то случайности в похожих на заросли осоки, скоплении остролистого тиоха. Едва весь разрез покрылся выступившими капельками крови, маг успел нанести мальчику, ещё несколько тут же начавших кровоточить ран. Рука друида опускалась и взметалась вновь. Велигор наносил и наносил порезы на уже совсем замерзшее тело ребёнка. Казалось, волхв обезумел, сошёл с ума. Продолжая ритуал, маг и сам представил на миг как выглядит всё это со стороны. К этому моменту всё тело мальчика было покрыто стекающей с его боков на алтарь яркой кровью. Но волхв не останавливался, он резал и резал кожу малыша. И при этом продолжал восклицать. Продолжал взывать к богу. Продолжал удерживать связь с астралом и плетение душ в едином скреплённом заклätьями клубке.

Перед взором волшебника, в той, иной реальности, в мире астрала, начали проноситься смутные тени. Он снова мог видеть росчерки чьих-то судеб. Красные, голубые, зелёные полосы мелькали перед Велигором, тая и разрываясь. Зарождаясь и утекая вдаль. Такого маг ещё никогда не видел. Это было даже более необычно, чем в день, когда он узрел имя мальчика. Он чувствовал чьё-то присутствие. Он знал, что это тени, клубящиеся чуть выше, чем мельканье разноцветных нитей. И он молился, что бы успеть. Что бы Траин услышал, откликнулся. Пришёл. Он молился, что бы его бог разогнал мрак, с каждым мигом всё плотнее свивающийся над сейчас совсем беззащитной душой ребёнка. И над его душой тоже.

- Услышь! Приди Великий! Обереги дитя! Возьми под руку свою! - кричал маг, срывая голос, рвя связки. Теряя надежду.

Мальчик истекал кровью. Он продолжал спать. И, наверное, ему снились сны. Но здесь, перед режущим его плоть волшебником, голый, лёжа на пропитанном алым алтаре, в свете таинственных узоров волшбы, и едва что, не погрузившись во мрак, едва не схваченный с каждым мигом становящимися всё реальней тенями, он просто истекал кровью.

- ... Заклинаю тебя, Траин, приди! – Велигор весь затрясся. У него больше не оставалось сил, не то что удерживать столь сложные связи, а даже просто оставаться в сознании. Мага пугали тени, хищно смотрящие из тьмы на их едва заметно мерцающие души. Он знал, что ещё миг, ещё секунда, и кто-то кинется. Ведь ни бог, ни хищник астрала не откажутся от светлой души, задаром.

- «А ведь это я сам, открыл путь им. Ведь это я решил поступить так. Опять», – чувствуя, как ноги начинают медленно подгибаться, укорял себя волхв. – Будь я проклят! – И в миг, когда злость мага выплеснулась из его сознания, давая дорогу одной из теней, давно ждущей своего часа, руша и без того едва сдерживающую их защиту. Тварь астрала бросилась, протянув к ним свои свитые из тьмы лапы.

- Прости меня, – и уже совсем потеряв надежду и падая на колени, всё-таки прошептал: – Траин, возьми под руку свою...

Не яркий, совсем не режущий глаза свет, хлынул откуда-то из глубины тьмы. Откуда-то ещё дальше, чем обитали тени. Свет был голубым с редкими солнечно-золотистыми всполохами, в каждом мерцании которых тонули, растворялись ещё мгновение назад готовые броситься на души смертных тени.

- Владыка... - чувствуя своего бога, едва улыбнувшись, прошептал Велигор.

Теперь мага и мальчика с алтарём окружал только голубой свет. Не было ни верха, ни низа. А там за светом. В свету. Из мерцания всполохов золота, угадывалась похожая на человека фигура. Не было видно ни лица, ни тела. Только очертания. Но очертания человека. И это успокаивало. Приятно когда бог похож на тебя. Даже если бог может быть кем угодно. Всполохи света, из которых состояла голова бога, застыли. На миг. На мгновение. Волхву показалось что Траин, а друид был уверен, что это его Владыка, ведь единожды познав бога в себе, пройдя посвящение, ты уже никогда не усомнишься, перед кем предстал в эту минуту, посмотрел на мальчика. И тут же всполохи задвигались вновь.

- Владыка. Это он. Это, то дитя, что ты предрекал, – сдерживая слезы, произнёс старый друид.

- «Это он. Ты прав», – просто ответил бог.

- Теперь он твой, – тихо произнёс маг, сам удивляясь нахлынувшим на него после этих слов чувствам. И казалось, что Траин тоже это заметил. Велигору чудилось, что божество вновь стало постоянным не мерцающим и даже как то с неким любопытством сейчас рассматривающее его. – Но... - не смело продолжил волхв. И не найдя в себе силы признаться богу в том, что он сам совсем не хочет расставаться с мальчиком, вместо этого спросил: – Для чего он тебе? Что его ждёт?

- Он нужен мне, – кратко ответил Траин, больше ничего не пояснив магу. – Но не сейчас. Он мал. – Немного помолчав, добавило божество.

- Я провёл обряд... - начал было волшебник, но бог прервал мага.

- Это не правильно. Он должен прийти ко мне сам. Сейчас я не возьму его, маг. Ты ошибся. Больше такого не делай.

- Прости меня, Владыка. Но я хотел...

- Не делай, – снова, но более грубо оборвал чародея бог.

Какое-то время маг просто прибывал окутанный светом ауры своего божества. Траин так же молчал. Казалось, бог погрузился в раздумья. И когда Велигору начало казаться что прошла уже целая вечность, бог молвил: – Но он отмечен теперь. Жаль. – И снова помолчав, продолжил, при этом друид отчётливо мог разглядеть, как к символу по прежнему светящемуся над грудью мальчика протянулась состоящая из блуждающих в голубом свете, всполохов золота, рука Траина – Но видно таков его путь. Что ж, - и маг увидел, как едва коснувшийся символа свет бога развеял горящий над ребёнком знак. Который стремительно растворился во всё ещё вытекающей из ран крови мальчика. При этом в каждой капельки крови искрилась, стреми-

тельно затухая, искорка голубого сияния окутавшего их пространства, – это всё. – Бог убрал руку и стал таять, терять и без того нечёткие очертания.

- Но Владыка! – вскричал растерявшийся волхв. – Что мне делать? Что с мальчиком? Скажи!

- Живите, – смог различить далекий, словно улетевший ветер голос божества мага.

- Жить? – Велигор снова стоял перед своим домом и глядел на лежащего, на алтаре ребёнка. – Просто жить? «Просто жить...»

Велигор достал мягкую тряпицу и поставил на край алтаря глиняную крынку с целебным отваром. Волхв быстро омыл мальчика, с удовольствием отмечая что порезы после того как на них попадал отвар переставали кровоточить и тут же затягивались.

- «След всё равно останется», – насухо вытерев малыша, подумал волхв. Он тщательно смыл всю кровь, и сейчас взяв ребёнка на руки, быстро шагал в протопленную избу.

Войдя в дом, друид положил малыша на тёплые шкуры.

- «Да, след останется», – разглядывая узор, который оставила его собственная рука на теле ребёнка, подумал маг.

Всё тело мальчика покрывали тончайшие следы от надразов. Следы тоньше, чем волосок и которые со временем почти совсем не будут заметны. Шрамы нанесённые рукой самого волхва, который хоть и казалось что резал кожу как попадая, всё же наносил каждую ранку в надлежащее ей место, слагая из крохотных ран рисунок заклятья.

Напоив мальчика ещё одним заранее приготовленным варевом. Что бы ребёнок не простудился, столь долго пробыв на холодном осеннем ветру. Маг, укрыв малыша шкурами, который продолжал тихо спать, уселся поближе к огню очага, задумчиво разглядывая танец пламени на дровах.

- Живи, – ещё раз повторил волхв. – Что ж. Будем жить. – И посмотрев на ворох из шкур, про себя добавил: – «А с первоцветом мы уйдём отсюда. Переждём холода и уйдём. И всё у нас будет хорошо, Соболя. Всё у нас будет хорошо».

Опустив лицо, Леменида схватила рукой успев удержать, едва не слетевший от сильного дуновения ветра, скрывающий голову капюшон.

Не желая сдаваться, ветер, просовывал руки под одежду, скользил по коже, зарывался в волосы, старался сорвать, унести прочь, наброшенный на обнаженное тело балахон.

Шёлковая, скользкая ткань жреческого одеяния, хлопала подхваченная порывами налетающего ветра, тёрлась об и без того набухшие в возбуждении соски, старалась зацепиться за покрывшие дрожавшую от холода жрицу пупырышки.

Сгустившийся сумрак окунул собравшиеся, вставшие вокруг жертвенника фигуры в пробуждающийся в их душах страх, у тех, кто присутствовал здесь впервые. В предчувствие мистического, божественного присутствия у прочих. В щекочущее и разум, и плоть возбуждающее чувство свершения, у всех. И хотя сам обряд, ведомый, мягким, красивым голосом верховной жрицы, ещё только начинался, все участники чувствовали просыпающееся желание.

Она видела действие обряда впервые. Леменида не боялась, совсем. Напротив, ей было интересно. Она чувствовала, что начинает дрожать не только от холода, ласкающих её тело рук ветра. Но было и ещё что-то. И ожидание самого Зверя и то, что вскоре должно свершиться на холодном камне плиты жертвенника.

Голос верховной продолжал окутывать сумраком этот древний как само время храм. Храм, чьими стенами были тысячелетние, сейчас принявшие мистические, таинственные очертания деревья. Потолком, которого было само, сейчас мрачно-серое, густое, несмотря на то, что было позднее, ясное утро, небо. А полом храма служила, за века пропитанная магией, сама

земля. Единственное, что было рукотворным, хотя сами люди вряд ли приложили к этому свои руки, была большая, неровная, похожая на кость, плита жертвенника Ихисто.

Жрица, ведущая обряд подала знак младшим служителям, стоящим позади кольца жриц, зажечь факелы. Теперь-то Леменида понимала, для чего могло понадобиться их пламя, ведь сам обряд совершался днём, в лучах солнца. Сейчас же, после вступительной песни-заклятья верховной, поддерживающейся тихим пением остальных участниц обряда, их словно окутало, поглотило облако сгустившейся тьмы. Словно сама ночь опустила свою пустую от звёзд ладонь, накрывая плиту, храм, всю церемонию призыва Ихисто.

Разгораясь, затрещали факелы. Их склоняющееся почти вровень с землёй пламя давало достаточно света, что бы можно было увидеть, вот-вот готовое здесь случиться. Позади себя жрица услышала тихий стон.

- «Ведут», – ожидая, когда служители втащат к жертвеннику несчастную, первую из многих за сегодня, прошептала про себя Леменида.

Четверо, одетых, так же как и сами жрицы мужчин, внесли и кинули на плиту первую девушку, чья жизнь должна будет стать ключом к воротам в царство Зверя. Могущественного Ихисто. Повелителя Лемениды. Того, кто давал жрицам этого тайного культа силу и могущество несравнимое с возможностями служителей прочих богов. Магию, превосходящую по мощи даже волшебство волхвов, колдунов огненной земли, и возможно... возможно что и самого Нера.

Девушку, уже полностью обнажённую растянули на плите так, что её руки и ноги образовали скошенный крест. Мужчины по очереди, ожидая нужные в обряде слова верховной, за один удар каждый, вбили в запястья и лодыжки жертвы костяные клинья, легко прошедшие через плоть несчастной, войдя с капающей с их острия кровью, в специальные отверстия в плите. Леменида знала, что у этой вырежут сердце. Первый ключ среди множества. Она знала, что сегодня принесут в жертву их богу десять молодых, полных сил дев, чья смерть станет лишь прелюдией к основному событию, к тому, ради чего сегодня и состоялся этот обряд. Обряд - день, которого мог выпасть один раз за полвека. И именно сегодня, она это чувствовала, Зверь наконец-то добьётся желаемого. Именно сегодня Ихисто встанет на первую ступень его возрождения на Мидгаре. Именно сегодня...

Вскрик девушки оборвал мысли молодой жрицы. Глаза Лемениды немного расширились, когда верховная ловким, отточенным движением вонзила слегка закруглённый нож в грудь девы, быстро, словно за одно движение, вырезая сердце, теперь колыхающееся в руке ведущей обряд. Верховная продолжая петь, высоко подняла руку над головой. Даже при столь плохом свете, можно было видеть как красные ручейки, текущие из трепетавшего в её руке сердца текут в рукава балахона жрицы, скатываясь по её нежной белой коже. Леменида облизнула вмиг пересохшие губы. Служители уже сняли убитую и оттащили куда-то за окутавший жертвенник мрак, сразу же вернувшись, неся новую жертву и бросая ту на заляпанный свежепролитой кровью алтарь.

- «Обряд будет долгим», – подумала Леменида уже не так реагируя на быстрый удар лезвия верховной, вонзающегося за новой добычей, в плоть дёргающейся на плите жертвы.

С каждым новым ударом, с каждой смертью девушки, с каждым вырезанным жрицей органом, наполнялась чаша из чистого золота. Временное вместилище вырезанных из девушек, сердца, печени, почек...

- «Девятая...» - Прошептала Леменида, следя за росчерком ножа жрицы. Жертва была мертва. Вырезанная селезёнка девушки упала в чашу. – «Осталась последняя».

Служители, шагнувшие к ним в сумрак обряда, внесли последнюю, самую молодую и красивую из всех пленниц, чей удел сегодня был стать частью великого обряда воскрешения бога-зверя. Великой наградой.

У упавшей на полностью покрывшуюся липкой кровью плиту девушки, так же как и у всех остальных были перерезаны сухожилия ног. Сегодня был особенный день. И было сделано все, что бы исключить любую возможность срыва обряда. Пленницы не должны сбежать. Эта была моложе остальных. Ей выпала честь отдать Зверю свои яичники, свои половые органы. И её же было жалче прочих. До того момента как верховная бросит последний кусок её плоти в чашу жертва должна быть в сознании. Жива.

Верховная занесла нож. У Лемениды губы заново покрылись сухой коркой. В горле встал ком. Она уже не чувствовала ни холодного во всю хозяйничавшего у неё под балахоном ветра, лапавшего её тело, ни касающейся босых ступней земли. Она не слышала и шелеста трепещущего пламени факелов. Сейчас молодая жрица вся была на острие лезвия верховной. Она ждала, находясь на кончике ножа, когда тот вопьётся в юное тело. Ждала первого вскрика боли. Ждала последних мгновений жертвенной части обряда.

Рука верховной потекла, казалось, что время встало, и рука именно потекла, вниз. Ещё миг, ещё...

- Дзинь! – так и не став звонким, проскрежетал ударивший в камень нож. Ударивший мимо тела.

- Мимо! – вздрагивая, очнувшись от транса, не понимая, говорит ли вслух, мысленно прикрыв рот рукой, выдавила Леменида. – «Что-то пошло не так!» - она оглянулась, видя и успокаиваясь, что не она одна поддалась чувствам и сейчас стоит в растерянности. Не понимали, что происходит, многие. Разве что трое из высших и сама верховная продолжали вести себя словно ничего не случилось.

Сейчас все глаза были направлены на ведущую обряд жрицу. Верховная отложив нож, опёрлась обеими руками в края плиты. Какое-то время она стояла не подвижно, закрыв глаза и почти не дыша. Вокруг было достаточно темно, но Лемениде всё же казалось, что изредка губы жрицы шевелятся. Словно та ведёт немой диалог. Наконец, за время, показавшееся всем вечностью, верховная медленно разогнулась, её руки, сначала одна, а затем, словно нехотя отрываться и вторая, отпустили плиту жертвенника. Жрица открыла глаза и обвела всех изучающим, пронизывающим взглядом.

- Повелитель желает сменить носителя искры, – тихо, но её услышали все, произнесла та. Её взгляд упал на распятую, на плите девушку: – Она, – едва заметно кивнув на жертву, добавила жрица.

- «Она?!» – разглядывая растянутое на плите тело, удивилась Леменида. Она чувствовала, что и остальные жрицы культа бога-зверя так же удивлены выбором повелителя. Но Ихисто сказал слово. А не верить верховной... О таком не могла помыслить ни одна из присутствующих. – «Но тогда...» - медленно стал рождаться, всплывать, вопрос: – «Тогда кто отдаст плоть?» - Леменида с жалостью и просыпающимся любопытством посмотрела на стоявшую через одну от неё жрицу. Так же как и она сама из новых. – «Бедняжка. А ты уже думала, что станешь избранной?» - она и завидовала избраннице, которой было предназначено стать сегодня носителем искры – самой почётной, великой миссии на которую только пригодны жрицы культа. И жалела неудачницу. Она знала, что предстоит той. Ведь жертв должно быть десять. А последняя, избежавшая своей участи сейчас пытается вырваться, убежать. Она не может кричать – ей уже давно, едва, как поймали, отрезали язык. А руки и ноги крепко удерживают вбитые в плиту клинья. Но она всё равно корчиться, пытается сорвать руки, изгибает тело, не сильно прогибая перемазанную кровью предшественниц спину.

- Готова ли ты предстать пред повелителем? Готова отдать самую себя? – внимательно смотря на ту, которая ещё недавно должна была стать избранной, а сейчас могла только отдать Зверю свои органы, спросила верховная.

- Готова, – почти не слышно, отозвалась та.

Леменида чувствовала страх жрицы, чья судьба так потешилась над ней. Она буквально слышала, как забилося сердце несчастной.

- «Хотя, - задумчиво протянула Леменида, – это тоже служение Ихисто. Мы все клялись, проходя посвящение».

Она на мгновение задумалась, глядя, как жрица готовая отдать свою жизнь Зверю, встаёт перед лицом верховной, смогла бы она сама пойти на такое? Она даже представила, как нож верховной касается её плоти, как режет её тело, как она кричит не в силах вынести боль. Сейчас, зная, что это всего лишь фантазия, она решила, что вполне смогла бы.

- «Ох!» - в последний момент Леменида захотела отвернуться, но нашла в себе силы и не отвела взор от корчившейся в невыносимой боли жрицы, чью плоть сейчас резал крепко зажатый в руке нож верховной.

Новая жертва стояла, опершись о край плиты жертвенника, как раз между ног всё ещё дёргающейся на нём девушке. Жрицу держали, вцепившись в неё мёртвой хваткой сильные руки служителей мужчин. Сама же верховная, сейчас стоя точно напротив жрицы, прислонив свой лоб к её голове, свободной рукой прижимая ту за затылок и что-то шепча, шевелила второй рукой где-то в низу живота. Лемениде не было видно, что сейчас делает верховная, но она и так знала – жрица вырезала ножом, последние части уже почти готовые заполнить собой чашу для органов. Вниз, к их ногам лилась кровь.

- Приди Зверь! Зажги искру! Дай надежду и подари свет! – громко, глядя во мглу над их головами, взывала верховная жрица культа.

Леменида всем телом почувствовала рвущееся из неё возбуждение. Она задрожала, предвкушая появление повелителя, приход Зверя. Краем её взгляд скользнул по валяющемуся скомканному прямо у плиты на земле балахону отдавшей своё тело Зверю жрице. Её саму, мёртвую, уже унесли. Осталось только пропитанное кровью тряпье. Вновь подняв глаза, она продолжила поедать ими действие, творящееся на плите жертвенника. Прежде чем продолжить обряд, верховная жрица, взяв чашу, выложила все собранные в неё органы, на места предписанные ритуалу вызова. Сейчас Леменида видела и печень, бурым куском, лежащую на теле теперь ставшей избранной. И непонятную массу, вырезанную из жрицы и теперь пачкающую ноги и живот избранницы. И сердце, которое свалилось с груди девушки на камень жертвенника, оставив за собой красные полосы следа. Саму же избранницу так и оставили приколотенной к алтарю. Леменида подумала что это, наверное, первый случай, когда будущая носительница искры, лежит здесь не по своей воле.

- «Но слово Ихисто...» - Подумала было Леменида, как прервалась, оставив мысль, оставив всё, позади. Жрица, как и все, кто, сейчас стоял вокруг алтаря, увидела, как от разложенных на избраннице и на самой плите органов потянулись первые ниточки, проедающие сам сумрак и открывающие дорогу Зверю заклатья.

Нити заклинания росли, ширились, извивались, тянулись ввысь. И вот, они уже больше не походили на тонкие нити, словно длинные черви, повывлезавшие из прогрызенных ими органов. Теперь заклятие походило на языки пламени, но чёрного, состоявшего из самой ночи. И вязкого. Текучего, как вода и липкого как... кровь. Они походили на ставший вдруг густым ветер, чьи чёрные языки-руки сейчас сливались во что-то единое, колышущееся трепетавшей над животом избранницы массой.

Леменида слотнула. Несмотря на то, что весь ритуал жрица храбрилась, сейчас она ощутила как пах и грудь сжимает рука ужаса. В обряде искры жрица почувствовала впервые, не смотря на то, что приняла посвящение больше десяти лет назад. А все десять лет, медленно, но быстрее прочих продвигалась вперёд в служении Зверю, в постижении тайных знаний культа, в обретении могущества древней волшбы Ихисто. Сейчас она увидит Зверя впервые. Её дыхание участилось, сердце забилося ещё быстрее. Она видела, как из собирающейся тёмной густой массы над избранной появляется очертание самого Зверя. Она видела и полные ужаса глаза

лежащей на плите девушке, она даже слышала, внутренним чувством, как кричит не имеющая языка. Стусток чёрного не то пламени, не то речной воды или просто пропитанного дымом ветра опустился, ударил в камень плиты возле груди, прибитой к жертвеннику избранницы. В камень била колышущаяся масса тьмы, а ударила, имеющая плоть лапа Зверя. Вобранные вовнутрь когти проскрежетали по поверхности алтаря. Ещё один язык ударил из клубка над грудью девушки в жертвенник – ещё одна лапа опёрлась Ихисто о залитую кровью плиту.

- «Зверь пришёл!» - прошептала Леменида, широко раскрывшимися глазами смотря, и восторгаясь в немом изумлении, на представшего пред жрицами бога-зверя. – «Ихисто».

- Ихисто! – воскликнула верховная жрица, падая на колени и низко опуская к земле голову.

Зверь, полностью отбредший плоть, по которой ещё плясали тающие на глазах языки тьмы, повернул морду на голос жрицы.

Падая как и все ниц, Леменида успела заметить как красив и страшен был зверь. Его большие, с вертикальными зрачками глаза, искрились изумрудом и золотом. Шкура бога-зверя была гладкой и лоснящейся. Ветер вокруг жертвенника стих. Убежал испугавшись. И сейчас прямо горящее пламя факелов играло на боках Зверя, рисуя тенями узоры, на и без того покрытой словно имеющими смысл разводами шкуре.

- Да свершиться начертанное, – услышала жрица голос бога. Она не видела, как Ихисто произнёс это. Но в эту минуту ей показалось, что Зверь, явившийся для зачатья искры, не мог говорить тем голосом, что сейчас вылился из его пасти. Да и открывал ли Зверь пасть, она тоже видеть не могла. Не в силах больше противиться охватившей её страсти, познать природу Зверя, насладиться его красотой, увидеть, что сделает с девой на алтаре тот, Леменида медленно, не дыша, молясь, что бы само её сердце сейчас не стучало, немного подняла голову. Самую малость. Так, что бы её глаза могли видеть происходящее на плите алтаря.

Ихисто посмотрел на лежащую под ним женщину. Леменида буквально чувствовала страх избранницы, ужас, так крепко сжавший душу той, что девушка даже перестала двигаться вовсе. Если раньше она всё ещё продолжала бороться, надеясь вырваться, то сейчас казалось, даже и не дышала. Зверь прислонил морду к лицу девушки. Он дёрнул ноздрями, впитывая запах избранницы. Отклонился, с расстояния разглядывая её лицо. Смотрел долго. Словно чего-то ждал. Леменида, не могла отвести взор, была не в силах опустить глаза. Ей хотелось увидеть всё. Она словно замороженная следила за каждым движением бога-зверя. За тем как он виляет, редко и размашисто, длинным хвостом. Как топорщиться его холка. Как шевелятся, лоя окружающие его звуки уши. Наконец, Зверь, что-то определив для себя, стал медленно сползать с девушки, пятиться назад, слезая с плиты. По пути, Ихисто слизывал с голого тела избранницы, разложенные на ней внутренности жертв. Вот он слизнул и отправил в пасть сердце. Вот его мощные челюсти, в два укуса, пережёвывают печень. Когда его задние лапы коснулись земли, его морда уткнулась в низ живота девушки. Ихисто зарывшись в паху избранницы, что-то подхватил пастью и, вскинув голову, быстро проглотил.

- «Яичники... её плоть», - вспомнив об умерщвлённой раде божества жрице, догадалась Леменида.

Закончив есть, Зверь принялся вылизывать пах прибитой к алтарю девушке. Почувствовав на себе язык Ихисто, та словно очнулась и снова принялась мычать и вырваться. Зверь же не обращал на избранницу никакого внимания. Он продолжал водить по её телу языком, и в какой-то момент Леменида и сама почувствовала, как увлажнилось у неё между ног. Она возбудилась, наблюдая, тайно, за действиями Зверя. Она представила, что сейчас на алтаре возлежит она, и что бог ласкает её. По телу жрицы прокатилась сотрясающая её волна истомы. В паху стало щекотно. Бог-зверь, закончив вылизывать, полностью стерев с тела девушки кровь, выпрямился во весь рост, опершись передними лапами о колени избранницы. Плита жертвенника была сделана так, что бы Зверю было удобно подойти к избраннице и взять её. И не смотря

на то, что в этот раз носительница искры была невольницей, прибитой к плите, она лежала, так, что Ихисто имел свободный доступ к её телу. Зверь сделал шаг вперёд. Вновь по одеждам жриц пронёсся сильный порыв ветра, и в свете метнувшегося к богу пламени факелов, Леменида увидела набухшую, вставшую мужскую плоть Ихисто. Достоинство Зверя было большим, кроваво-красным, налившимся. По нему пробегали сильно выступающие толстые вены. И делая единственный шаг вперёд Ихисто словно немного присел и когда оказался вплотную к девушке вонзился в неё.

- Уу-мм... - не сдержавшись, простонала Леменида. Она была готова хоть сейчас же оказаться на месте мычащей в ужасе избранницы. Она продолжала смотреть на Зверя. Её зрачки от охватившего её желания сильно расширились. Между ног сильно намокло. Она продолжала смотреть за равномерными движениями Зверя. В миг, когда Ихисто овладел девушкой, место обряда словно окунулось в нечто, чему жрица не могла подобрать название. Глаза видели всё тот же, окутавший алтарь сумрак. Но вот деревья, шевелящие в отдалении ветвями, словно изменились. Жрица не была уверена, почему, то ли это из-за того что она смотрит из такого неудобного положения и это всё игра света, и рождающихся огнём факелов теней, то ли и впрямь место храма оказалось в ином мире, в иной реальности. Но теперь Леменида видела, что деревья стали другими. Они по-прежнему оставались всего лишь тёмными силуэтами, но сейчас ей казалось, что их ветви стали больше похожи на лапы чудовищ. Что они тянутся к ней. Что хотят сожрать всех, до кого только смогут дотянуться. Да и сам Зверь, едва она заметила, что вокруг всё стало иным, начал словно мерцать. Сливаться с тьмой, пропадать с глаз наблюдающей за его соитием жрицы. Чем дальше шёл акт, тем всё чаще и на большее время пропадал Зверь. Леменида не знала, то ли Ихисто и впрямь становился невидимым, и тогда она смотрела, как тело девушки двигается само по себе, как её груди колышались, а бёдра ног стараются постоянно разойтись в стороны, то ли это всё наплывшая из иных миров атмосфера этого места, на время укрывала от неё Зверя. За всё это время Зверь ни разу не изменил, ни манеры движения, ни скорости. Он походил на собаку, на пса, запрыгнувшего на суку. И вот настал момент, когда Зверь, так же как и вошёл и начал двигаться, так же без чувств и эмоций вышел из тела избранницы, не на миг не задержавшись и не взглянув на девушку. Ихисто вновь влез на плиту и, обернувшись, точно найдя глазами верховную, бросил: – Исполнено. – И, стремительно тая в языки чёрного пламени, которые тут же утекали ввысь, ушёл.

Глаза всех жриц шурились от яркого дневного света, пролившегося на них в миг ухода Ихисто. Едва бог-зверь, выполнив миссию, зародив искру, ушёл, как ушло и чувство присутствия иной, пугающей реальности, и сумрак в котором проходил весь ритуал так же развеялся.

Леменида встала с земли последней. Её шатало. Она всё ещё не могла отойти от увиденного. Всё ещё очень сильно ощущала охватившее её возбуждение. На трясущихся ногах, пошатываясь, и боясь не упасть, жрица подошла к остальным, уже собравшимся вплотную к плите жертвенника.

Избранница лежала и дышала с трудом.

- «Скорее всего, Зверь поломал ей рёбра», – подумала Леменида. Она смотрела на ничего не выражающее лицо девушки. Лицо было пустым, словно маска. Единственное что делало его живым, это текущие по щекам слёзы, и вылетающие изо рта девушки жиденькие облачка пара. Обойдя по кругу, жрица посмотрела на живот, лежащей на плите алтаря избранницы. – «Ну вот, теперь, ты носишь искру. Радуйся. Это великая честь». – Она опустила глаза немного ниже. Бёдра и ягодицы девушки были перемазаны кровью. – «Должно быть, он был слишком большим для тебя, девочка». – Решила Леменида, вновь вспоминая огромную плоть Зверя.

- Исполнено, – когда молчание затянулось, повторила за Зверем верховная жрица культа Ихисто. – И снова помолчав, продолжила: – Леменида, - жрица вздрогнула, услышав своё имя в культе, – ты должна была стать носительницей искры, вместо... - Верховная не стала называть имя отдавшей себя богу жрицы. – Тебе и воспитывать и растить искру.

- Да, Великая Мать, – склонив голову, и чувствуя, как ликование охватывает её грудь, поднимаясь всё выше, и понимая, что титул Великой Матери, теперь уже верховной жрице больше не принадлежит, ответила Леменида. – Клянусь в том именем, господина нашего. Я стану и опекой и опорой. «Да проклянет меня бездна, если я не справлюсь, Ихисто!»

- Да услышит тебя бог-зверь, Леменида. Могучий Ихисто. И да будет всё по воле его.

Тихо подошла и встала рядом Демира. Верховная жрица в последние дни часто навещала Лемениду и её подопечную. Жрицы переглянулись и, не сговариваясь, просто совпало, потянули кончики пальцев к животу. Заметив, что и вторая поступила так же, обе улыбнулись.

- Какой огромный, – всё же дотронувшись до натянутой кожи живота и нежно погладив тот, сказала верховная жрица культа бога-зверя.

- «Да уж, - не могла не согласиться с ней Леменида. – Такое пузо и я ни разу не видела».

– Жрица внимательно осмотрела невероятно большой живот избранницы. – Уже скоро.

- Должно быть так, – кивнув, согласилась Демира. – Хотя, сколько прошло?

- Четыре месяца. Завтра.

- Четыре, – задумчиво протянула верховная. – «Не вероятно». – Она покачала головой. – «Но это искра!» Но это дитя бога. Разве могло быть иначе? – в задумчивости Демира приподняла бровь.

- Ихисто, – кивнула Леменида. – «Зверь». – Она до сих пор, часто, по ночам, представляла, как она стонет под тяжестью своего бога. Как Зверь берёт её. И просыпаясь, только совсем отойдя ото сна, понимала, что живот не её. – Ведь это первый случай за много веков?

- Это так, – согласилась верховная.

Они обе понимали, что имела в виду каждая. Всё дело было в том, что это действительно, по крайней мере, не в одном манускрипте прошлого не говорилось иного, был первый случай, когда божество само выбирало избранницу. К тому же избранницу из числа обещанных ему жертв. И в первые, когда роженица доживала до срока. Конечно, от зверя уже несли ни раз. И часто жрицы переживали беременность. Но все дело было в том, что ещё на ранних сроках, у женщин случались выкидыши. А если дитя и удавалось спасти, жертвуя матерью, то оно всё равно умирало младенчиком.

Стон, похожий на мычание вырвался из уст лежащей на устеленном мягкими тканями столе девушке. Леменида стояла в углу комнаты, но ей было хорошо видно все происходящее в ней. Живот роженицы колыхнулся. Девушка сжала зубы. Застонала. На сильно испещрённом множеством морщин лбу проступил пот. Демира тут же подошла и утёрла крупные бисерины платком.

- Всё хорошо, девочка. Всё хорошо, – Ласково, глядя рукой, волосы роженицы, произнесла верховная жрица, ещё раз насухо вытерев лоб женщине.

Леменида понимала, отчего так добра сегодня Демира. Ребёнок должен был вот-вот появиться на свет. И избранницы, нужно было обеспечить как можно больше комфорта. Удобств. И ни каких беспокойств.

- «Но ведь ты всё равно противишься? Ведь так?» - спросила у избранницы Леменида, видя как та силится свести ноги вместе. Выкинуть плод. Удавить в себе. – «Не выйдет, милочка. Ты родишь». – Жрица была спокойна, она знала, что ремни, удерживающие девушку от глупости, не порвать.

Все дни до родов носительницу искры хорошо кормили. Конечно насильно, помимо воли нахалки. Та до последнего противилась. Стискивала зубы, вертела своей глупой башкой. Им приходилось разжимать рот, вливать в него питательные кашицы, воду. Омывать каждый день тело. Расчёсывать волосы. Следить что бы ремни не перетягивали кровоток.

- «За тобой ухаживали как за королевой. Неблагодарная. Такая честь, а ты?!» - жрица с завистью, как и всегда, посмотрела на огромный как холм живот избранницы бога. – «Ну

почему не я? Почему?» - Леменида каждый день мечтала оказаться на месте этого куска мяса. Она хотела её живот. Хотела понести. Хотела родить дитя Ихисто. Но, даже зная, что её мечты останутся лишь мечтами, она всё равно считала, что это её ребёнок. Только её. Ни чей больше. Сама Леменида жила в одной комнате с постоянно привязанной к столу девушкой. Она переживала всё вместе с ней. Она радовалась каждому удару ножкой дитя в живот матери. Она чувствовала, что это искра скучиться в ней самой. Вот и сейчас с новой схваткой роженицы, Леменида почувствовала спазм боли и у себя в животе.

- Воды отошли, – немного волнуясь, громко сообщила Демира. – Уже скоро...

Ещё долгий, невыносимо долгий час времени, ждала Леменида появления дитя бога на свет. Она устала. Устала, так же как и девица, чей стон-плач сквозь стиснутые до крошева зубы впился сладкой музыкой в уши жриц.

- Головка! – улыбаясь, прошептала Демира. – Тужься, тужься, сладкая! – шептала верховная. – Выходит!

Детский крик, первый крик жизни, раздался где-то между широко расставленных ног избранницы. Оттуда, где сейчас находились обе руки Демиры, медленно, осторожно придерживая, поднимающиеся всё выше и выше.

- Какое красивое дитя! – тихо, улыбаясь, нежно глядя на шевелившегося ножками и ручками ребёнка, прижатого к её груди, прошептала верховная жрица культа.

- «Невероятно! Ты чудо!» - глядя на улыбающееся личико, подумала Леменида. – Самая красивая на свете малышка. – И не оборачиваясь, не в силах отвести взгляд от дитя, бросила одной из младших жриц, помогающих здесь: – Что с ней? – имея в виду избранницу, спросила она.

- Едва дышит. Сердце почти не бьётся. Вот-вот умрёт, – раздался вскоре ответ служительницы.

- «Но ведь мы знаем, что я твоя мама?» - никак не реагируя на скорую смерть столько страдавшей в последнее время девушки, улыбаясь ребёнку, мысленно спросила дитя Леменида.

- Ну вот, - поцеловав дитя в лоб и протянув его жрице, произнесла Демира – теперь он твой. Заботься. Учи всему что знаешь. Мы поможем. Ты никогда не останешься одна. Мы не допустим беды.

- Ихисто меня защитит, – аккуратно принимая на руки ребёнка и не отрывая от него взгляда ответила Леменида.

- «Да будет так», – про себя ответила ей верховная, чувства как в момент, когда ребёнок покинул её руки, в её душе вспыхнула, тихо, в самой глубине, ревность. – Когда ребёнок окрепнет, возвращайся к сестре, в столицу.

- Конечно. Там ей будет самое место, – и уже выходя из комнаты, спросила: – А что будет с ней?

Демира посмотрела на по-прежнему привязанную к столу ремнями и готовую наконец-то прекратить свои мучения девушку.

- На утренней молитве скормите её труп псам, – голосом, каким она всегда отдавала распоряжения, ответила верховная жрица бога-зверя.

- «Это правильно», – подумала, делая шаг за порог Леменида, ненавидевшая настоящую мать ребёнка. – «Пусть её тело ещё раз послужит во благо Ихисто». – И на миг, представив, как псы разрывают плоть женщины, улыбаясь малышке, жрица Зверя вышла из комнаты.

Тишину сонного Элитона нарушил внезапный гул множества одновременно запевших барабанов – кеган. Летящий не затихающим, словно шумящим в дали громом, звук кеганов

разбудил десятки, сотни стай училинов взметнувшихся ввысь, хлопающих тысячами, десятками тысяч чёрно-красных крыльев. Поднимая ветер и шелестя листьями чия – могучих деревьев, чьи ветви сейчас трещали от такого количества взлетающих сквозь их переплетения птичьих тел.

Макаба не шелохнулась. Гул барабанов и хлопанье училинов не могли отвлечь внимание верховной тимани от слышимого только ей одной тихого голоса Ичидхики. Длинные ресницы Макабы дрогнули, под покрытыми красной краской с большой белой точкой веками, глаза жрицы дёрнулись, метнулись словно у увидевшего что-то во сне. Что-то страшное. Пугающее. Тимани открыла глаза. Красная волна восхода уже полностью поглотила обелиск бога, перекрасив вырезанные на нём иероглифы, непонятные даже ей, верховной жрице ичиби, в новый золотисто-рубиновый, играющий цвет. Далёкий шёпот Ичидхики затих, растворился среди мыслей самой тимани. Но время ещё не вышло. И делая вид, что она всё ещё говорит с богом ичиби, Макаба продолжала стоять на коленях, просто разглядывая, и уже давно не стараясь разгадать, неведомо как, сами иги на это способны не были, словно выжатые в поверхности обелиска, иероглифы. Обелиска богов, чей странный материал больше походил на слиток металла, нежели на отшлифованный временем камень.

Среди всего народа ичиби, да, наверное, и среди всех игов вообще, вряд ли кто-то кроме самих тимани знал, что Великий Уктулхи-Ичидхики, говорил с верховными жрицами на языке мёртвом вот уже целые тысячелетия. На языке, которого сами тимани почти не понимали. Жрицы просто чувствовали скрытые в шёпote божества эмоции. Разгадывали интонацию бога. Пытались почувствовать душой, о чём говорит Ждущий.

Позади себя Макаба слышала громкое сопение Итолло. Император восседал на золотом троне-носилках, специально перенесенном сюда рабами. Правитель империи Куапари был ещё полон сил, хотя время, когда жизнь переваливает за половину, у владыки ичиби наступило уже очень давно.

- «Ждёшь? Жди», – продолжая разглядывать обелиск, мысленно обратилась к Итолло жрица. – «Это моё время». – Макаба злорадно усмехнулась. Она, как и любая другая жрица, даже простая тиладиар, не любила светскую власть, и старалась при любом выпавшем ей случае показать императору его место. И только дождавшись когда весь обелиск, до самого основания, окрасится цветами зари, она встала с колен, и медленно повернувшись, даже не взглянув на Итолло, величественно прошла к началу длинной лестницы ведущей к подножию пирамиды, на которой и был установлен обелиск Ичидхики.

- Народ ичиби! – громко, в широком жесте разведя в стороны руки, произнесла первые слова речи Макаба. – Могущественный Ичидхики не доволен! – она обвела взглядом собравшую внизу пирамиды толпу. – Он гневается! Он говорит, что год этот будет тяжёлым. Что беды обрушатся на всю империю Куапари. – Она замолчала, выжидая, когда стихнет последний звук переговаривающихся между собой, услышав её недобрые речи, игов. Дождавшись, когда весь народ обратился в слух, ожидая, что же верховная жрица скажет ещё? Какую весть ей передал бог? И ещё немного потянув время, Макаба продолжила: – Что беды обрушатся на весь Иль'эфлон! – тяжело произнесла она, слыша общей вздох внимательно слушающей её толпы. Краем глаза жрица заметила, как нахмурился сидевший на своём троне Итолло. Как незаметно для неискущённого глаза, занервничали советники императора. Отметила она и едва изменившиеся выражения лиц остальных тимани. Но эти уже и так знали, что она скажет сегодня. А посему Макаба понимала, что их реакция всего лишь нежелание мириться с действительностью. С тем, что, скорее всего уже случилось, но с тем, что пока не могли принять говорящие с богами тимани.

- В пятый день, мы принесём жертвы Ждущему, – успокаивая игов, продолжила говорить Макаба. При этих её словах остальные жрицы шагнули к ней став видимыми толпе, но оста-

вавшиеся на полшага позади верховной тимани. – Мы проведём обряд ублажения. И будем молиться о ниспослании иной доли нашей Куапари. Всему Иль'эфлону!

- Так значит это, правда? Пророчество сбудется? – император сидел на троне и, прикрыв глаза, ловил ветерок от машущих на него вееров.

Немного подождав с ответом, разглядывая обдувающихся Итолло рабов, и даже захотев одного из них, высокого, для мужчины, ига из народа суичи, Макаба всё же кивнула медленно открывшему глаза императору.

- Пророчество спит с тех времен, когда боги ещё жили среди нас, император, – начала жрица. Видя знак поданный ей движением глаз Итолло, она подошла к ступеням трона и медленно поднявшись на верхнюю уселась на разложенные на ней подушки. – Ты знаешь о слухах.

- Знаю. Но твои сегодняшние слова...

- Мы должны быть готовы. Народ империи вправе знать, что его ожидает.

- «Так это не слова Ичидхики», – понял Итолло. – «Змея, ты просто готовишь почву, на случай если пророчество окажется верным. Мол, я предупреждала. Хитра». Понимаю. – Медленно кивнув, произнёс правитель Куапари. – А что те слухи? – и по тому, как изменилось лицо тимани, император вдруг понял что жрица и впрямь напугана.

- Я жду гонцов. Это случилось в одной деревне темелчи, в неделе пути. На границе Элитона.

- Так это среди рабов? – император был удивлён. Он знал, что за Элитоном находиться множество деревень таких народов как темелчи или суичи. Народов рабов. Тех, кого империя Куапари поработила уже очень давно, ещё во времена становления. Эти народы игов были малочисленны. Они жили небольшими деревушками, жители которых валили леса или добывали камень, для постройки разрастающихся городов империи.

- Да, – нехотя подтвердила Макаба. Она и сама не хотела верить, что угроза могла родиться в семье низших. Среди рабов. – Но я всё же надеюсь что это лишь слух. До деревни неделя пути. Дорога назад. И нужно время, что бы всё выяснить наверняка.

- Что будет, если это окажется правдой?

- Правдой? – тиами подняла на императора свои серые немигающие глаза, и Итолло на какой-то миг даже успел раствориться во взгляде этих озёр. Но он не зря был повелителем Куапари. Самой могущественной империи на всём континенте Иль'эфлон. И видя, что император спокойно держит её взгляд, Макаба продолжила: – Тогда змея пробудиться. Куапари перестанет существовать. И нас игов ждёт такая страшная участь...

Жрица не договорила. Но тот холод, что обволакивал каждое медленно сказанное слово Макабы, вселил в императора ростки предчувствия. Не хорошего. Чёрного. Пахнущего смертью.

- Сколько нужно принести жертв?

- Много, император. В этот раз очень много, – кивая самой себе, ответила тимани.

- Сколько? – твёрдо повторил Итолло.

- Тысяча. Пока гонец не принёс вести, – и снова долго глядя в глаза императору, жрица добавила: – Десять тысяч. Если это правда.

- «Десять...» - Итолло удивился, при этом внешне оставаясь полностью невозмутимым. – «Такого числа жертв не было уже очень давно. Этого не было даже при отце моего отца. А уж он то чтит Ждущего. Да и других божеств. Вот когда кровь текла...»

- Десять тысяч каждый месяц, – тихо и по-прежнему не отрываясь от глаз императора, добавила Макаба. – Пока не устраним угрозу.

- «Каждый месяц...» - повторил Итолло. Император не испугался названной цифры. Его, как и прочих ичиби не пугала кровь рабов принесённых в жертву богам. Его волновало то, что если слух подтвердится, то рабов, которых они смогут пожертвовать, не ущемляя интересов

в строительстве и прокладке дорог, может и не хватить. А поэтому оставался единственный, проверенный временем выход – война.

Война для государств Иль'эфлона давно была верным и единственным источником тех, кого можно было принести в жертву богам. Или пополнить ресурсы рабов. В каждой стране иггов были и так называемые низшие – народы, по своей сути рабы, не имеющие никаких привилегий, и занимающиеся только одним - тяжёлой работой на благо народа повелителя. В Империи Куапари правителями были ичиби. Ещё в незапамятные времена, когда империя только крепла, завоёвывая один народ за другим, ичиби поработили множество мелких племён. Некоторые, из которых, со временем совсем выродились и исчезли с лица Мидгары, некоторые остались жить в не больших количествах, в маленьких деревушках вблизи каменных городов правителей и с утра, до ночи, работая на каменоломнях, валя лес, выполняя и прочую черновую работу. Иногда их приносили в жертву. Но то были, как правило, больные или старые иги. Сильных и молодых берегли. Да и редко когда жертва достигала десятка иггов за раз. Мудрые правители Куапари разумно полагали, что не стоит лишний раз кормить змея ненависти в их убогих душонках. А по сему, жертвами были иги захваченные в кратковременных войнах, выгодных обеим воюющим сторонам. В войнах, которые можно было скорее назвать вылазками за живым товаром, нежели чем-то действительно крупным и захватническим. Чужую территорию, давно устоявшиеся государства Иль'эфлона, поглотить не стремились. Всякий раз, когда такая попытка и предпринималась, жрицы иггов тот час же начинали вещать, что такое дело гневит их грозных богов.

- «Но столько жертв...» - ещё раз задумался Итолло. – «Это уже, пожалуй, настоящая война будет». Хорошо, жрица. Я знаю, что нужно делать. У тебя будет десять тысяч. Но...

По тому, как начал растягивать предложение император, Макаба поняла, что тому было нужно. Она как никто другой знала почему страны Иль'эфлона, больше не стремились захватить земли соседей. И вряд ли кто кроме высших жриц тимани, знал настоящую причину такого положения дел.

- У тебя будет дозволение тимани, император. Боги не разгневаются. Я уверена.

- Это хорошо. «Как же, уверена она. Ещё неизвестно, что они шепчут в твои уши на самом деле». А сейчас иди. Мне надо подумать. И, - добавил он, посмотрев на встающую со ступени жрицу, – дай мне знать, когда придёт гонец.

- Конечно, император. Ты узнаешь об этом сразу.

Рука жрицы отогнала жужжащую над разложенными перед ней внутренностями муху. Насекомое сделало вид что улетело, но не успела рука Макабы вернуться на место, как муха вернулась, усаживаясь на благоухающие запахами кишки. Тимани больше не стала отвлекаться на надоедливое насекомое. Жрица, молча, глядела перед собой, полностью погрузившись в картины, рисуемые раскинутыми, казалось в хаотичном порядке, внутренностями гонца.

Когда гонец прибыл в её храм, и одним кивком головы подтвердил все опасения Макабы, она, даже не думая о том, что этот иг принёс поистине дурную весть, не думая, ни о чём вообще, просто, молча, убила стоявшего перед ней гонца. Выпотрошила его, даже не подходя близко. Просто вонзив в брюхо несчастного острое, как бритва заклятье, вспоровшее живот ига вместе с одеждой. А после ещё долго не подходила к вывалившейся на каменный пол утробе, глядя в саму себя, и мысленно перечитывая, видя пред глазами текст, древнее и самое страшное пророчество, грозившее гибелью всей цивилизации иггов.

Наконец, оторвав взор от написанного, скрытым языком внутренностей, послания богов и, к удивлению, не увидев в том ничего особо плохого, верховная жрица Ичидхики, обойдя валяющиеся перед ней кишки, подошла к убитому ей гонцу и немного наклонившись, вытащила из мёртвой ладони ига до сих пор лежащий в ней свиток.

Быстро пробежав глазами по посланию, переданному ей двумя отправившимися в деревню темелчи тимани, жрица подняла голову и, едва сузив глаза, прошептала: – Значит, правда.

Усевшись в глубокое кресло, Макаба с удивлением осознала, что совсем не так встретила известие из деревни низших. Теперь же узнав, что древнее пророчество начало сбываться, удивляясь сама себе, она оставалась совершенно спокойна. Словно всё это происходило не с ней, а с кем-то другим. Словно не всей империи грозила гибель. И будто бы боги предрекавшие конец всему, что существовало на континенте, всего лишь чья-то шутка. Розыгрыш. И что ребенок, родившийся среди рабов – просто дитя. Ещё один слуга ичиби, годный лишь на то, что бы капаться в грязи. А не уж точно, что бы являться знаменем возвещающим о скорой гибели цивилизации Иль'эфлона.

- Его нужно убить, – очень тихо, даже как-то отстранённо, произнесла верховная жрица. – «Эту тварь, нужно убить!» - мысль оказалась даже громче чем первая фраза жрицы. – Ашамти! – Крикнув в зал, позвала своего слугу Макаба.

В зал спеша вошёл старый ийют. Пёстрое, усыпанное драгоценностями одеяние Ашамти, шелестело о шероховатые плиты пола. Подойдя к Макабе и остановившись в пяти шагах от неё, ийют поклонился и, посмотрев на хозяйку, спросил: – Что пожелаете, госпожа?

Жрица подошла к маленькому, по сравнению с ней ийюту и, положив Ашамти на плечо руку, чуть приобнимая его, медленно пошла по залу храма, думая, что следует рассказать, этому, на удивление мудрому для своей дикой расы, старцу.

Ашамти покорно побрёл рядом. Ийют немного наклонил голову набок – признак того что он готов внимательно слушать хозяйку. И Макаба всегда была уверена, что старый ийют запомнит всё в точности и по возможности даст нужный совет. Сам Ашамти служил жрице с самого её раннего детства. Его подарил ей ещё прошлый правитель Куапари, отец нынешнего императора Итолло. Вообще ийюты считались диким народом. Их было не очень много и жили они малочисленными племенами, прячась в непроходимых джунглях континента или в горах обеих хребтов Иль'эфлона. Сами иги относились к этому народу снисходительно. Они считали, что ийюты в чём-то даже священны, так как те имели отдалённое сходство с древним божеством и страхом игов - пернатым змеем Пторхом. Богом что дремал со дня основания мира в кипящем пламени. И что с его пробуждением мир погибнет. Поэтому-то ийюты до сих пор и оставались в относительной безопасности. Их не трогали, не приносили в жертву, боясь прогневить змея. Боясь пробудить страшное божество до срока. Многие из ийютов, из тех племён кои были немного цивилизованнее других и жили ближе к обжитым игами землям, даже служили у тех игов, кто мог позволить себе их прокормить. Они выполняли простенькую, не сложную работу. Убирали в доме. Ухаживали за садом. Многие были писцами и даже вели хозяйства, самостоятельно ведя торговые дела. А некоторые, такие, как и Ашамти, даже становились доверенными лицами, и могли советовать господам, если конечно те позволяли им это.

- Послушай, Ашамти, – прохаживаясь по залу начала Макаба. Она замолчала, не зная как рассказать ийюту, просто по тому, что сама ещё толком все не обдумала и не решила, как быть.

Ашамти, приподняв свободной рукой, с другой стороны от идущей рядом с ним жрицей, подол одежды, перешагнув, брезгливо сморщив лицо, через уже облепленные множеством мух, воняющие кишки выпотрошенного хозяйкой ига. Золотые украшения, во множестве висащие на шее старика, звякнули, когда тот чуть обернулся, косясь на истекающий кровью труп.

- Ты помнишь, я говорила тебе, что у одной девки темелчи родилась двойня? Мальчик и девочка.

- Конечно, – кивнул Ашамти. – Я помню это, хозяйка.

Тимани не смотрела на старика, но продолжая держать руку на его плече, почувствовала как, на какой-то миг, тело ийюта напряглось, впрочем, тут же расслабившись. Этого можно

было и не заметить вовсе, если бы она так хорошо не знала своего слугу и помощника и, если бы она не была верховной тимани.

- Сегодня прибыл гонец от Виенчери. Слухи подтвердились.

- Госпожа. Это тревожная новость, – тихо, обдумывая каждое слово, произнёс Ашамти. И вновь Макабе показалось, что старый ийют испуган, но очень хорошо это скрывает. – Но... может ли так случиться, что госпожа Виенчери ошиблась? – и снова в голосе старика жрица услышала скрытую надежду.

- «Ты что-то скрываешь? Да нет, - жрица едва качнула головой, – вряд ли ты осмелишься на такое». С ней была Шистока. А ты знаешь её возможности.

- «Знаю», – ийют всё ещё не мог поверить словам Макабы. Даже сейчас, узнав, что две сильнейшие в своём деле жрицы лично ездили в деревню темелчи, он не мог, не хотел верить случившемуся. – «О, небеса Тичкен Туа-хо! Смилуйтесь! Пусть иги ошибутся. Пусть дитя пророчества не родиться вовек. А если, не дай Пторх, Тичкен Туа-хо прогневалась на нас, то пусть дитя сие умрёт. Пусть умрёт! Молю». – Ашамти посмотрел на ига. – «Держи себя в руках. Кажется, она чувствует». Знаю, госпожа. Что Вы решили?

- «Что решила?» Ребёнка нужно убить. Мать, отца и сестру. Все должны умереть! – глядя прямо и продолжая неспешно ходить вдоль стен зала, уверенно ответила ийюту Макаба. Жрица остановилась и посмотрела на едва достававшего ей до плеча слугу. Ийют выглядел задумчивым. Своей свободной рукой, старик сжимал висящий у него на груди медальон – толстый гладкий камень ромбовидной формы, немного закруглённый на одной грани, в центре которого находился один единственный иероглиф древнего языка. Точно такой же, как и на обелиске Уктулхи-Ичидхики. Считалось, что это знак мудрецов дикарей. Что такой знак носят все старейшины ийютов. Макаба ни разу не видела старейшин ийютов кроме самого Ашамти. Но слышала что только у одного из старейшин служившего каким-то своим богам медальон сделан из того же материала что и сам обелиск. И ещё она знала, что иероглиф на древнем языке означал само слово ийют. А вот что означало оно? За тысячелетия цивилизации Иль'эфлона стёрлись многие древние знания, позабылись имена, языки и преданья. Уже давно иги считали, и сама Макаба, как знаток древнего языка была с этим согласна, слово ийют можно было перевести как: либо птенец, либо сыны птицы. Что так же косвенно роднило этих невысоких, худых, и слабых существ, с древним, дремлющим Змеем. Со спящим и ждущим своего часа, Пторхом Туа-хо Клюдоктимаином. Пернатым змеем – символом конца мира игов.

- Это мудро, госпожа. Мальчика нужно умертвить. Срочно.

- Я пошлю в ту деревню солдат Итолло и его жрецов-воинов. На месте их встретит Виенчери, солдаты передадут ей моё послание. Пожалуй... - тимани на миг задумалась, – пожалуй, я прикажу умертвить всю деревню. «Так будет спокойней».

- «Так будет вернее», – старый Ашамти кивнул. – Вы как всегда мудры, госпожа Макаба. «Жаль только, что ты жрица, не знаешь всей правды об этом ребёнке. Всей, страшной правды».

Глава 2

ГЛАВА 2

Небо успело усмехнуться, показать тупой оскал облаков, прежде чем обрушиться, вдавить в землю, добить, и без того сейчас испытывающего и стыд, – «проиграл. Опять!» - и сильную боль, растекающуюся по спине от удара и впившегося в лопатку твёрдого, как камень, торчащего из земли корня, юноше.

- Вставай! Или ты решил проваляться до явления Нергу?

- «Ох-ох», - упавший наземь нехотя пошевелился. Продолжая причитать, так, для порядку, начал вставать. – «А мне хоть Нергу, хоть Адитаю. Один...» Ты бы предупредил, что ли.

- А я что сделал? – удивился собеседник. Белые зубы, обнажились в довольной улыбке, сверкнув снежными вершинами.

- «Лыбица ещё, гад», - упавший поднялся и, положив руку на поясницу, потягиваясь, немного прогнулся назад. Он посмотрел на продолжающего улыбаться Лго. На его совершенно чёрном лице улыбка выглядела особенно впечатляюще. Даже лучезарно. – А ты просто...

- Правда? – чернокожий стремительно приблизился и нанёс едва вставшему на ноги новый удар.

Земля вылетела из-под ног быстро, стремительно. Мир снова перевернулся. В этот раз боли не было. Боли в спине. Ныла получившая удар грудь, и ломило плечо и локоть. И небо. Голубое, с редкими облаками. Оно снова смеялось. В этот раз не давя. Оставаясь на расстоянии.

- Лго! «Идиот!» Что б тебя скрючило! Что б ты подавился... - парень на мгновение прервался, подбирая слово - ...мочой. Своей. – Уже спокойно уточнил он. Только теперь осознав, что лежит не на земле, а на неведомо как успевших подхватить его руках друга. Немного закинув голову, он вновь наткнулся на стоящие частоколом зубы. – «Вот ведь гад!»

- Опять не предупредил, да? – качая в притворном сожалении головой, поинтересовался Лго.

- Да я просто не успел!

- Хватит, Сабур, – Лго потерял всю свою обаятельность. Превращаясь из доброго великана с улыбкой способной растопить лёд, в настоящего воина, хищника, готового броситься, стремительно, внезапно. И разорвать, растерзать. Такой не прощал ошибок. Лго – не прощал ошибок. И Сабур это знал. Знал уже несколько лет. С той самой встрече, когда он и его наставник, случайно выйдя на очередной тракт, увидели как один чернокожий воин, настоящий великан, отбивался от наседавшей на него банды. Один против пятнадцати. Когда сам Сабур со своим учителем наконец-то добежал к дерущимся, Лго бился уже против троих. В тот раз ни наставнику, ни Сабуру, так и не удалось пролить кровь врага. И юноша впервые увидел, на что может быть способен настоящий воин. Он впервые увидел, как убивали голыми руками. Один удар – один труп. Один удар – сломанная рука. Один удар – и сердце врага не бьётся, превращаясь в груди в лопнувший бурдюк вина. Такого красного... Пьянящего. Навсегда.

- Извини, – уже серьёзно ответил воину сам Сабур. – Я понимаю.

Лго внимательно посмотрев в глаза, кивнул. Он помог юноше отряхнуть пыль и прилипшие к одежде травинки. Сабур же в этот момент предпочел бы справиться с этим сам. Рука воина была тяжёлой, невероятно сильной. Не рука – обтянутый кожей камень. Тёплый такой, камень.

- А-а, упражняетесь, – раздался позади них голос старого наставника.

- Я бы сказал – упражняется, – всё ещё сердясь, больше на себя чем на Лго, отозвался идущий навстречу магу Сабур.

Подойдя к волхву юноша принял у того большую чем-то плотно набитую суму. Парень тот час же развязал узел и, раскрыв края, засунул в суму свою руку.

- Ого! – воскликнул довольный юноша. – Копчёная оленина! И хлеб, свежий!

Велигор видя радость Соболя, улыбнулся. Друид в отличие от чернокожего воина, который звал юношу именем так, как оно звучит на языке империи, обращался на его родном – языке аридаев.

- Добрые люди, – усаживаясь на траву, произнес волхв.

- Что ты такого им сделал? – уже приступив к разрезанию еды на куски, поинтересовался юноша.

- В деревне давно не было дождя. Вот, - маг развёл руками – помог.

- Да, лето будет сухое, – проведя широкой ладонью по ежику травы, согласился с ним Лго. – Мало дождей. Много солнца.

Соболь, не отрываясь от резки сыра на крупные ломти, исподлобья глянул сначала на Лго, а потом на учителя. Юноша часто замечал что иногда, чернокожий великан говорил такое, что заставляло волхва внимательно прислушиваться к словам воина и тихо изучать того долгим, задумчивым взглядом. Да он и сам часто мог слышать от великана нет-нет, да и проскользнувшую, редкую, в пустом небе птицей, фразу. Слова, которые мог произнести и мудрец. Лго вообще был странным. Он жил по каким-то своим законам. По своим правилам. Он мог легко убить человека. Он мог убить даже едва коснувшись того пальцем. Для этого великана, с чёрной, покрытой татуировками кожей, оружием становилось всё, что оказывалось у него в руках. Это мог быть и меч, и копьё, и серп. А могла стать и простая ветка. Сухая. Чуть меньше мизинца. Лго был воином! Но он старался не убивать. Он никогда не лез в драку первым. Он был вежлив со всеми, с кем заговаривал. Но его всё равно боялись. Один вид такого громадного, чёрного, с круглой, выбритой головой, и телом, покрытым ползущими по нему змеями рисунков, мог напугать кого угодно.

В землях, куда они забрели сейчас, уже можно было встретить и чернокожих жителей Экры и натёртых маслами подданных Махаджанапада, и даже, как говорят, дивных обитателей таинственного Иль'эфлона - высоких игов или хрупких ийютов. Они шли по земле империи. По земле Цесса. Страны десятков рас, сотен народов. Крупнейшего торгового центра всей Мидгары.

Едва впервые вступив в пределы Цессарской империи, Соболь заметил, как отличаются люди населявшие её. Как меняется быт людей. Всю свою жизнь, юноша провёл в нескончаемом путешествии. Он совершенно не помнил времени, когда бы его наставник, мудрый Велигор, оставался где-нибудь дольше, чем на неделю. Может быть, кроме времён сильно холодной зимы, когда они оседали на времена холодов в какой-нибудь крупной деревне или маленьком городке. Его ноги с самого детства привыкли топтать дороги. Он уже не мог представить времени, когда бы они не пробирались через леса или искали переправы и броды. Он спал в полях, под открытым небом. Ночевал в лесу, спрятавшись под густую ель или взобравшись на толстые ветви дуба. Часто приходилось голодать. Подолгу. Пока они не набредали на поселение и маг не находил работу. Соболь, часто задумывался, а смог бы он сам, один, без волхва, выжить, прокормиться? Узнавать ответ не хотелось. А Велигор выручал здорово. Маг мог развлекать толпу горожан. Показывая ей не хитрые фокусы и собирая монеты, брошенные в раскрытую, перед сидящим подле него пареньком, суму. Мог помочь деревенским жителям, заговорить скот. Или заклясть поля для богатого урожая. В деревнях, как правило, платили едой. Они не брезговали ничем. Брали всё: одежду, скарб... Нужно было жить.

Соболь не жаловался на такую жизнь. Во-первых, он просто не знал другой. Во-вторых, во-вторых, ему это нравилось. Он не просто всегда ходил рядом с магом. Он учился. Учился

всему, что делал друид. К семи годам Соболя уже смог вызвать свой первый, пусть и маленький, но всё же дождь. Когда первые капли дождя, больше похожие на пыль упали на его лицо, он был так счастлив, что сам походил на солнце, чей свет играл переливами на зависшем в воздухе мельчайшем крошечке бриллиантов. Он до сих пор помнил их нежное, щекодавшее кожу касание, и ликование, – «Я смог! У меня получилось!» - охватившее его в тот момент маленького триумфа. В десять – он уже мог пробудить до срока, цвет бутона. В следующий год – мальчик впервые призвал зверя. Это был маленький оленёнок. Он робко вышел из чащи, испуганно поглядывая своими огромными глазищами и силясь понять, что так тянуло его покинуть надёжное укрытие зелени леса и выйти к двуногому, зная, что они самые опасные существа на земле?

Сам Велигор видя успехи Соболя, радовался им, не меньше мальчика. Сразу, после того, как ученику удалось подзвать к себе оленёнка, маг решил, что, пожалуй, настало время освоить тому, таинственный, сложный, завораживающий, язык плетения иных заклятий. Язык древних риш Индинагана, магов Юрении, к изучению которого сам волхв приступил гораздо позднее юного Соболя.

В тот же год к ним присоединился и Лго. Получилось так, что сразу после той битвы, чернокожий воин остался с ними. Как так вышло, сейчас Соболя сказать бы не смог, но Лго сам не уходил, да его об этом никто и не просил. Мальчик сразу привязался к могучему великану, умелому, и ничего не боящемуся воину. А волхв, волхв, наверное, тоже имел на это свои причины.

Тогда, Соболя обрёл сразу двух наставников. Но если с Велигором всё оставалось по-прежнему, маг не менялся и постепенно посвящал его в тайные знания. То Лго...

Первый свой экзамен, чернокожий устроил спустя год тренировок. За год, под присмотром воина, Соболя окреп, стал собранней, настороженней. Сам мальчишка даже уже считал себя великим воином, непобедимым, способным разделаться с любым негодяем, вставшим у него на дороге. А на следующий день, одиннадцатилетний мальчик узнал, что такое слёзы. И что такое обида. Детская, злая. И, наверное, он понял, что у этой жизни в карманах будет ещё много сюрпризов.

В день после экзамена Лго, Соболя вышел на свою ежедневную тренировку с великаном, улыбаясь. Он шёл к воину, высоко поднимая голову, расправив от важности плечи. Не шёл, вышагивал. Он уже считал себя равным, познавшим все премудрости военной науки, он не боялся. В тот раз житель Экры, долго рассматривал сияющее лицо мальчика. Он смотрел не мигая. Не играя скулами. Смотрел никак. Без эмоций. И вмиг когда, не выдержав, Соболя смутился, неуверенно переступил на месте, воин избил его. Лго бил сильно. Бил больно. Быстро. Каждый удар воина отдавался не только оставляющей синяк болью, но и болью обиды, ударяющей, беспощадно, в самую душу. Кроша иллюзию, заставляя глаза мальчика плакать. Соболю обидно было всё. И то, что он оказался не таким как считал себя ещё минуту назад. И то, что он, как ни старался, не мог отразить не одного удара Лго, хотя сами приёмы, те хитрости, которыми его раз за разом валил воин, были Соболю знакомы, за долгие тренировки прошедшего до экзамена года. Обидно было и то, что это унижение наблюдал Велигор. То, что его наставник, его учитель тайных наук, просто сидел. Конечно, маг хмурился, переживал, но не вмешивался. Не просил воина, атаковать медленнее. Бить слабее. Не просил.

Соболя пролежал целых два дня. Ему было тяжёло шевелиться. Все мышцы налились тяжестью. Ныли. Вначале, его разъедала злоба. Он даже возненавидел великана. Да и на Велигора бросал полные яда взгляды. Но когда, немного успокоившись, он заметил, что сам Лго не обращает на его обиду ровно никакого внимания. Не подходит пожалеть. А маг, лишь едва заметно качает головой, но так же не спешит приободрить, обнадежить. Соболя задумался.

На третий день он поднялся. Взял в руки шест. И подойдя к сидящему под деревом и с закрытыми глазами жующему травинку воину, поклонился, как он всегда делал перед началом обучения. И тогда всё изменилось вновь.

Лго улыбнулся. Воин встал с земли. И шагнув к мальчику, положил на его плечо, свою широкую, тяжёлую ладонь. Великан слегка потряс Соболя и просто сказал: – Молодец. – Немного помолчав, но, не убирая руки, Лго продолжил: – Верю, ты всё запомнишь. Знай, что, сколько бы ты не тренировался, каким бы сильным и ловким ты не был. Не теряй голову. Всегда есть кто-то, кто лучше и сильнее тебя. – Он снова, в этот раз ободряюще, улыбнулся: – Это не значит, что ты плох. Не значит, что не нужно стремиться стать быстрее, сильнее, лучше. Просто к этому придётся идти всю жизнь. Даже я, Сабур, продолжаю учиться. И у тебя в том числе.

- У меня? – подняв голову и посмотрев в глаза с высоты смотрящего на него Лго, удивился Соболю.

- У тебя, – серьёзно кивнул ему чернокожий воин. – Ты только что победил себя. Такая победа даже более ценна, чем одержанная в битве с врагом. А сейчас отдохни. Начнём завтра.

Тогда же, Велигор, сделав примочки из травяной настойки, и смочив все ушибы Соболя, улыбнулся, стоявшему перед ним мальчику: – Я горжусь тобой.

- «Но, почему?» - опять удивился Соболю. – «Я проиграл. Меня избили. Мне самому стыдно. Почему они так говорят? Что я сделал? Что?» - не мог понять он.

Время шло. Сейчас пятнадцатилетний Соболю это знал.

- Лго, держи, – Соболю протянул отрезанный ломоть сыра воину. Казалось, огромный, кусок сыра потонул в чёрной лапе Лго. - Велигор, а что это за земля? – спросил он у мага.

- Шорм, – отламывая хлеб, отозвался волхв. – Некогда свободная земля. Сейчас это империя. Её провинция. Оленины отрежь.

- А когда придём в саму империю?

- Ну, - друид задумался, – формально мы в империи. Но я тебя понял. Ещё не скоро. Она огромна. – Маг принялся жевать хлеб, проживав, он продолжил: – Я, думаю, что дня через три, выйдем на прямую дорогу до исконных земель империи.

- Каменную?

- Каменную, – вздохнув, подтвердил маг. Сам он не разделял радости юноши, хотя понимал, что значит впервые увидеть широкую дорогу, выложенную из каменных плит. Дорогу, по которой сутки напролёт двигаются обозы с товаром, идут люди, перемещаются армии. Дорога, которая была шире, чем любой тракт виденный Соболю раньше. Дорога, соединяющая империю со столицей своей провинции. Друид знал, что каменные дороги Цесса, это не только удобные для торговли пути. Это тот инструмент империи, которым она поддерживала свою целостность. Это был способ свободного и быстрого перемещения войск. Способ, которым она росла.

То, что они приближаются к одному из главных путей империи Соболю понял уже задолго до того как они вышли на тракт. Того шума, что издавала ползущая по земле каменная змея нельзя было не услышать, намного раньше, чем глаза увидят это чудо.

- «Река! Настоящая каменная река!» - воскликнул Соболю, впервые увидев, выйдя из-за деревьев скрывающих тракт империи. – Невероятно! Велигор, Лго! Вы видите? «Сколько народищу!»

- Мы видим, – едва улыбнулся воин.

- Пойдёмте скорее! – юноша не мог сдержаться и ускорил шаг, даже не обернувшись на последовавших за ним наставников.

Он шёл быстро. Спешил. Его привлекала эта широкая лента камня. Лента, по которой ползли гружёные, скрипящие под весом товара телеги. Пустые повозки. Медленно идущие группы людей. Одинокие путники, уступающие дорогу спешно передвигающимся по дороге всадникам. Соболю казалось, что дорога жива. Что все кто ехал по ней, все кто шёл, являлись частью её. Он старался угадать кто эти люди? Какие у них дела? Откуда и куда они идут?

- Ух, ты... - восхищенно протянул он, провожая взглядом промчавшихся мимо него всадников на высоких, укрытых цветными попонами конях. Всадники были загорелыми. Не такими чёрными как Лго, но сильно выделяющимися на фоне остальных путников тракта. На воинах были высокие остроконечные шлемы, со скрывающей лица и шею бармицей. Сейчас отстёгнутой. Поверх кольчуг, на всадниках красовались разноцветные, в основном расшитые серебряными и золотыми нитями узоров цветов, халаты. На шлемах ветер трепал красные вымпела. На боку, воинов, юноша заметил ножны с искривленными саблями. И у всех всадников в руке была высокая пика, длинным сверкающим остриём смотрящая в небо. – Кто они? – он даже не заметил, что рука Лго успела оттащить его на обочину. Всадники же промчались мимо, даже не обратив внимания на юношу, пожирающего любопытным взглядом их спины.

- Кавалерия перийадов, – ответил Лго. – Они из халифата. С Экры.

- С твоей родины? – продолжая смотреть вдаль, где дивные всадники уже превратились в неотличимые от остальных чёрные, размытые точки, спросил Сობоль.

- Да, – отчего-то долго промедлив, отозвался воин. – С моей.

- Они не такие как ты, Лго.

- Мидгара, большая, – начиная движения и увлекая остальных за ним, вместо чернокожего воина, ответил юноше Велигор. Он взял путь в ту же сторону, где вдали уже скрылись перийады. – Мы все отличаемся друг от друга, Сობоль. Ты от меня. Я от Лго. На Экре есть много народов. Есть такие, как и наш друг. – Маг улыбнулся, посмотрев на воина. – Есть как эти всадники. Есть с ещё более светлой кожей, чем твоя. А есть и чернее Лго.

- «Чернее Лго?» - Сობоль недоверчиво посмотрел на воина, с невозмутимым видом идущего рядом. Лго был настолько чёрен, что юноша попросту не мог представить кого-то ещё темнее.

Дорога была очень широкой. Вряд на ней могли уместиться сразу четыре повозки. А каменные плиты лежали столь плотно друг к другу, что между ними практически не было сводного места. А ещё кругом стоял скрежет колёс о камень, цоканье копыт лошадей. Храп с натугой тянущих повозки быков. Крики мулов. И нескончаемые разговоры коротающих дорогу людей.

- Уважаемый, - услышал Сობоль, как один из идущих впереди него торговцев, ведущий на поводу запряжённую двумя быками телегу, доверху набитую товаром, обратился к своему собеседнику: – что Вы такое говорите? - казалось, он был удивлён и даже негодовал. – Она же ребёнок!

- Ха! Уважаемый! – откликнулся его собеседник. – И что с того? Она из их рода. – Он кивнул, как бы говоря, что этим всё сказано.

- Но, - понизив голос до шёпота, и быстро оглянувшись, не слушает ли кто, произнёс торговец, – говорят, её удочерили? Что она не родная дочь императора?

- Тише, тише! – так же шёпотом, дёргая торговца за рукав, призывая к осторожности, остановил его собеседник. – Говорят. Но она всё равно из их рода. А значит, разницы большой нет.

- Но, дитя?.. – уже не так уверенно, но, всё ещё сомневаясь в мудрости императора, протянул торговец, уводя быков чуть в сторону, что бы не столкнуться с встречной телегой. – Смотри куда прёшь! – тут же проявляя свою истинную натуру, закричал он вознице встречной телеге. Он вернул быков на прежней курс и вновь принялся обсуждать новости. Но Сობоль, идущий за быстро шагающим Лго, уже намного опередил торговца, и больше не мог слышать того разговора.

Дорога бежала под ногами. Иногда Сობолю казалось, что они стали с ней едины. Что теперь и Велигор и богатырь Лго, и он сам, всего лишь песчинки, такие же, как и прочие путники. Подхваченные водами каменной реки, несущиеся по ним, не в силах покинуть, вырваться из этого потока текущего к чему-то новому, к чему-то неизвестному и далёкому...

А люди говорили. Со всех сторон доносился шёпот, тонуший в скрипах подвод. Станный говор неведомых юноше языков. Возвышенная речь империи. Гневные выкрики чудных для слуха наречий. Людей было много. И каждый что-то говорил. Обсуждал цены на хлеб. Интересовался почём в западных королевствах рыба? Сколько нынче стоит пушнина северян?

Соболь прислушивался. Он старался услышать, запомнить как можно больше. Ему хотелось знать, как живут эти люди? Как столько разных, непохожих друг на друга, торгуют, ведут беседы, спорят, ругаются? Зачастую общаясь на разных языках. Но каким-то неведомым способом понимая друг друга. Заключая сделки, вместе смеясь над шутками, не понимая языка собеседника. Как?

Спали, сойдя с дороги. Лго говорил, что он часто ходил этим трактом, когда служил наёмником в армии империи. И предлагал места для ночёвки не в вечно забитых, и к слову сказать, дорогих тавернах, стоящих на всех перекрёстках, примыкающих к каменной ленте дорог, а отойдя немного в сторону, в небольшой рощице, или просто в прилегающем к тракту лугу. Спать на лугу, греясь возле небольшого костерка, Соболю нравилось даже больше, нежели под деревьями скудных рощиц. Где все ветки уже давно были обломаны, а под стволами валялся мусор. Народу по тракту шло много.

- Что там? – юноша указал рукой вперёд. Он заметил что люди, телеги, стали идти медленнее. Сбиваясь в плотную массу. Криков и ругани стало больше.

- Пост, – посмотрев вдаль, вдоль тракта, ответил Лго. – Внимают пошлину за проход.

- Но разве здесь граница? – удивился Соболь. Он заметил, что Велигор улыбнулся.

- Нет, – продолжая улыбаться, ответил маг. – Понимаешь, империя большая. И у ней большие расходы.

- Нужно содержать армию. Вот, – чернокожий воин, перебивший друида, кивком головы указал себе под ноги, – строить дороги.

- Верно, – так же кивнув, подтвердил волхв. – Такие посты, стоят по границам всех провинций империи.

- Значит, Шорм кончился? – Соболь посторонился, освобождая место напиральной и оттесняющей их к обочине группе странно одетых людей. Их было человек двадцать. На них были белые, когда-то белые, хламиды. Ноги путников были босы, а в спутавшихся волосах торчали веточки рябины.

- Кончился, – чернокожий Лго, так встал возле юноши, что людям с рябиной в волосах пришлось обходить великана, даже отекает, как ручеек отекает внезапно вставший на его пути камень. – Медяк с человека, серебро с подводы.

- Что? – не понял Соболь.

- Дорожный сбор, – пояснил воин. – Маг, - он, не оборачиваясь к волхву, спросил у того, – а деньги то у нас есть?

- Есть, – кивнул друид, незаметно хлопая по суме. – «Но нужно будет заработать ещё». Ещё хватит на одну ночь в таверне.

Ожидая, когда они приблизятся к проходу в перекрывшей тракт каменной стене, Соболь снова, так как заняться больше было нечем, а очередь еле двигалась, стал прислушиваться к гудящим над собранной в плотную массу толпой голосам.

- ...а я ей и говорю: курва, что ж ты, творишь?

- Ну? А она?

- А что она... - голоса потонули в протяжном, грустном стоне быков.

- Если так пойдёт и дальше, - услышал Соболь ещё один разговор, – то, что будет с империей?

- И не говори, уважаемый Самар. Видано ли, такую власть девчонке отдать?!

- «Девчонке?» - тут же заинтересовался Соболь. Он почему-то сразу понял что эти, говорили о той же девчушке, что и оставшийся позади торговец. Юноша не знал почему, но

это захватило его воображение. Он уже принялся гадать: - «Кто может быть эта девушка?» - Соболю стало очень интересно, чему так возмущаются люди? – «Вероятно, она очень молода. – Решил он. – Но кто он такая?»

- Дорогу! Дорогу! Посторонитесь! – все остальные звуки потонули в громких предупреждениях, летящих сразу из нескольких лужёных глоток.

Юноша обернулся. Позади, быстро приближаясь к ним, оттесняя всех без исключения в сторону, освобождая свободный проезд, скакали, на тяжёлых, массивных конях всадники. Скакуны, изредка хлестающих плетью путников воинов, были немного ниже, чем кони перийад, но несравнимо шире и мускулистее. Сами всадники были облачены в лёгкие доспехи, по верх которых были накинута белые, что бы не спечься на солнце, накидки.

- «Солдаты империи», – узнал, уже встречавший ранее воинов Цесса Соболя. Но в отличие от простых солдат, доспехи этих всадников были дорогими. Скакуны ухожены, с могучими лоснящимися боками. А белые накидки, снизу были украшены позолоченной каймой. И у каждого воина, на шлеме красовался ярко-красный плюмаж.

- Императорская гвардия... - едва Соболя смог разобрать, потонувший в общем шуме голос какого-то человека.

- «Императорская гвардия», – повторил юноша. Он уже видел, для кого те расчищали путь. Позади прокладывающих дорогу всадников, не спеша скакала ещё одна группа верховых.

- ..она! – услышал Соболя. Он не мог знать, о чём шла речь. Но в эту минуту был уверен, что неизвестный голос в толпе говорил именно о ней. О той девушке.

- «Там скачет она», – уверенно, сам себе, сказал Соболя.

Всадники приближались. Было не вероятно, но юноше показалось, что звуки стихли. Люди опускали взгляды к земле, не все, но многие. И даже, мула и тягловые быки на время приглушили свои вечно недовольные стенания.

Их было много. Наверное, сотня. Первыми ехали такие же воины, что и расчищающие путь процессии всадники. Они не смотрели по сторонам, но Соболя отчего-то был уверен, что воины зорко следят за отхлынувшей, сжавшейся у центра тракта толпой. И ещё юноша почему-то вспомнил путников с рябиновыми гроздьями. Их запylённая одежда, не шла ни в какое сравнение с белоснежными накидками всадников. Позади воинов на белых скакунах ехали чернокожие, как его Лго, люди. Они были одеты странно. Обнажённые по пояс, увешанные золотыми цепями. На их головах сидели маленькие меховые шапочки. Жёлтые, в мелких коричневых пятнах.

- «Шкура какого-то зверя», – понял Соболя. Его привлекли и необычные плетеные щиты чернокожих. Щиты были не очень большими, и из ветвей какого-то дерева, с вплетением разноцветных нитей и лент. Они крепились возле локтя и имели чуть вытянутую, продолговатую форму. А на поясе, Соболя заметил странные, отполированные деревянные палки. Они так же были не обычны. Плоские и чем-то напоминающие птичьи крылья. Следующими ехали женщины.

- «Её свита. Придворные дамы», – догадался Соболя. Женщины были красивы. Он не встречал раньше аристократок империи. Но теперь, видя их лица, уже точно не смог бы перепутать высокородную даму империи, с кем-либо ещё. Вместе с аристократками свиты, ехал толстый мужчина. Его лицо было накрашено, так же как и у дам. Ну, может немного меньше. Он дул щёки, и жмурился, пытаясь избавиться от текущего со лба пота.

- «Евнух», – Соболя быстро потерял к нему интерес. Он позабыл и о евнухе, и даже о красивых лицах женщин империи, встретившись взглядом с ещё одной всадницей.

Взгляд женщины был надменным. Она смотрела строго перед собой. Для неё не существовало ни гудящих голосов оттеснённой в сторону толпы, ни изредка бросаемых на неё взглядов. Для неё не существовало мира вообще. Только она. Одна.

- «Холодна», – единственное слово, пришедшее в тот момент в голову Соболя, всплыло, лишь юноша увидел застывшее маской лицо наездницы. – «Интересно, кто она?» - поглощенный кавалькадой, он не заметил, как нахмурился волхв, так же обративший внимание на эту особу. И тут он увидел её.

На первый взгляд, это была самая обычная девушка. Соболю встречал много простых пастушек, прачек, дочек старост... У всех у них было что-то общее. Их простая красота, открытость. И эта, грациозно восседающая на белом скакуне девушка, сначала показалась ему точно такой же. На удивление юноши, она не сверкала дорогами нарядами. Наоборот одета была скромно, по-походному. Нет, конечно, её одежды, ткани были дорогие и качественные. Но не кричали. Не вопили: вот она я какая! Смотрите! Нет. Простые, без отделки замшевые сапожки. Накидка, наверное, шёлковая, цвета спелой малины. Длинные волосы, скреплены изящной золотой диадемой.

- «Милая. Странно, почему её торговец назвал ребёнком?» - сам Соболю был уверен, что девушка была его возраста.

Она ехала, так же молча и глядя перед собой, как и надменная, ледяная дама впереди. Но в отличие от той, её лицо было тёплым, задумчивым. И Соболю даже смог уловить едва проснувшуюся улыбку, когда девушка о чём-то подумала. Впрочем, тут же покинувшую её красивое личико. С того расстояние, на котором стоял от всадницы Соболю, юноше было плохо видно лицо так заинтересовавшей его девицы. Отсюда она казалась очень даже ничего. Не надменной и не отталкивающей. Её конь приближался. Соболю уже мог различить изгиб губ. Форму скул. Носа. С каждым ударом сердца, девушка была ближе и ближе. Теперь юноша мог видеть только её. Её лицо, которое словно выплывало из пустоты. Проявлялось из ничего. И затапливало. Затапливало, как весенние воды пойменные луга, сознание Соболя. И чем ближе она приближалась, тем сильнее юноша ощущал нечто в своей груди. Томное, сосущее под ложечкой. Застилающее глаза сладостной пеленой. Они поравнялись. Он уже больше не мог оторвать взгляд от её лица. Самого обычного лица. Симпатичного, милого. Каких тысячи. Но такого единственного. Её лица. Миг. И их глаза встретились. Ещё мгновение назад, девушка всё так же смотрела перед собой. Но что-то заставило её повернуть голову. Что-то привлекло её внимание. Оторвало от мыслей. Что-то.

- «Боже!...» - прошептал, провожая взглядом, не на мгновение не замедлившую движение девушку он. Соболю не мог понять, что сейчас чувствует. В миг кода он увидел её глаза, случилось сразу столько всего. Он и затаил дыхание, не в силах вздохнуть, и в то же время, боясь спугнуть миг времени, подаривший этот момент. Он успел запомнить её лицо. Каждую чёрточку. Он успел съест её взглядом, переварить сердцем. Он успел восхититься ей и... и, испугаться её. – «Боже...» - снова повторил он, глядя в медленно удаляющуюся спину, той, которую он уже никогда, ни за что не забудет. Даже если захочет забыть. Сейчас. В эту самую минуту, уже пытаюсь позабыть её образ. Выкинуть, вырвать из сердца. – «Что это? Что со мной!? Почему?» - он не понимал, что так напугало его. Простая девушка. Да милая, да приятная во всех отношениях. Но почему сейчас ему было страшно? – «Почему?»

- Что с тобой?

Соболю только сейчас заметил легонько трясущего его за плечо Лго, и вдруг понял, что чернокожий житель Экры, старается привлечь внимание уже какое-то время. И именно в этот момент он вдруг понял, что так его напугало: - Глаза...

- Что? – уже нахмурившись, спросил Лго. – Да, что с тобой? Эй, парень! Очнись!

- Кто она?

- Кто? – великан повернул голову и посмотрел на уже скрывающуюся в проёме стены процессию. – Ты про девицу? Ха! Какую из них. Там целый цветик.

- Про неё, – Соболю кивнул в сторону поста, словно мог указать другу, ту, единственную.

- О-о! – протянул воин. – Понятно... – он больше ничего не сказал.

- Идёмте, – отвлекая всех, произнёс волхв. Велигор шёл первым, и никто, ни Лго, ни юноша, не могли видеть задумчивого выражения на лице мага. Его мысли, так же как и мысли ученика занимала ехавшая с процессией всадница. Но не та, молодая, так запавшая, в самую душу, юному Соболю. А та, что вызвала у его молодого друга, лишь холодные мурашки. Женщина с лицом-маской. И волхв был очень встревожен. Он не мог объяснить причины своего волнения. Но что-то... Что-то сильно грызло, бередило его мысли, почему-то вернувшие старого чародея в прошлое, которое он стремился забыть. Отбросив его туда, где в памяти мага до сих пор догорала выжженная дотла деревня даров.

Пост проехали быстро. Соболю ожидал чего-то другого. Но усталый офицер, взял положенное за проход, хмуро взглянув из-под густых бровей, на старика, юношу и высокого чернокожего южанина, и небрежно махнув кистью руки, разрешил пройти. Он даже не удивился, видя воина с земель Экры. Он уже давно ничему не удивлялся, служа больше десяти лет на этом посту и повидав много странных пар, групп и людей.

- Куда теперь? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Лго.

- Нам нужны деньги, – ответил воину Велигор. – Дойдём до ближайшего города. Подзаработаем. А потом сойдём с тракта в сторону. «Не нужны нам большие дороги».

- А может, пойдём в Цесс?

И волхв, и великан посмотрели на предложившего это Соболю.

- Зачем, Сабур? – воин внимательно оглядел юношу. Маг, снова вдруг ощутив в груди искру предчувствия, нахмурился.

- Ну, не знаю, – казалось, Соболю смутился. – Большой город, можно хорошо заработать.

- Большой, – прищурившись, кивнул головой Лго. – И опасный.

- Велигор! – вдруг приободрился юноша. – Ты мне столько говорил про империю. Про храмы. Про воду в домах. Я хочу это увидеть.

- Хм... - друид задумался, слегка поживав губу. – Город и вправду красив. Есть на что посмотреть. Но, не знаю... Лго прав. Цесс – опасен.

- Да чем? – уже поняв, что может настоять на своём, пошёл в атаку его ученик. – Ты маг, каких поискать...

- Тихо, тихо! – шепотом перебил его волхв.

Но юноша этого не заметил и продолжал, как ни в чём не бывало: - Он, самый лучший воин. Я тоже... - Соболю немного замялся – Чего нам бояться?

Велигор посмотрел на Лго. Чернокожий великан улыбнулся и чуть кивнул.

- «Да!» - лицо Соболя засияло.

- Но не думай, что мы забросим учёбу, – сурово произнёс волхв. – В столице есть что посмотреть, и конечно найдётся чему научиться. «Может и вправду, это будет не напрасная трата времени?» - маг и сам был не прочь снова оказаться в городе белого мрамора, позолоты и великого множества храмов. Друида волновало только то, что к его брату жрицы империи относятся подозрительно и даже враждебно. И ещё, ещё он вдруг вспомнил что лицо-маска, скорее всего тоже направляется в Цесс.

- Конечно, учитель. Я и не думал о таком, – совершенно искренне ответил волшебнику ученик. Юноша уже очень давно мечтал посмотреть на самый величественный город Мидгары. Он столько слышал о нём из уст своего учителя, что думал, что знает столицу империи как свои пять пальцев. Юноша часто, засыпая, представлял, как гуляет по её широким улицам. Как заходит в храмы, слыша бормотание жрецов, обязательно в чистых одеждах. Он даже представлял, что попробует принять ванну, как называл её волхв. А теперь, с сегодняшнего дня, он ещё и надеялся, что вновь увидит её. Девушку, которая была просто милой. Лицо, которой, он запомнил теперь навсегда. И чьи глаза пронзили сердце насквозь. Красивые, яркие и, такие опасные. Глаза, из которых на юношу посмотрел зверь. Хищный, лениво тянущийся, чему-то улыбающийся зверь.

- Тебе всегда нравились юные и белокожие. Прикройся.

- Ну, в этом наши вкусы похожи. Милый. Впрочем, как и во всём.

- Это так, – мужчина улыбнулся, внимательно разглядывая обнажённое тело новой забавы супруги. – Где ты его нашла? – на юношу, лежащего неподвижно на высоком, широком ложе, он больше не смотрел.

- Кажется, откуда-то из западных королевств. Апий, напomini мне?

- Вы правы, божественная госпожа, - открывая глаза, но, всё ещё не решаясь повернуть голову и посмотреть на мужа госпожи, ответил юноша, - я из Корда.

- Ты из свиты? – спросил её супруг, опускаясь на край кровати и протягивая небрежно укрытой полупрозрачной тканью жене бокал.

- Да, божественный господин. Я сын второго секретаря, принца Каледа.

- Милый, ты ведь пришёл не для этого. Что-то случилось?

Её супруг вновь начав разглядывать стройное тело юноши, медленно скользя взглядом по его торсу, посмотрел на жену.

- Вернулась Талана, - ответил он, замечая, как сказанная им новость отразилась на губах супруги тёплой улыбкой. – И твоя сестра с ней. «Впрочем, как и всегда».

- Талана? Когда? – женщина вскочила с кровати, но сделала это грациозно, словно стекла с неё. Ткань, так и не сумевшая скрыть наготы, медленно упала к её ногам.

- Только что. Я сразу решил позвать тебя. Сам, – ответил её супруг, любуясь крепкими бёдрами жены, быстро скрывающимися под наброшенной через голову одеждой.

- Благодарю, – она покрутила тазом, перетаптываясь на месте, и стараясь, что бы складки наброшенного платья расправились. – Как она?

- «Она со своей насадкой, что с ней случится?» С ней всё хорошо. Мы встретимся за обедом.

- Я соскучилась. Апий, хватит валяться, вставай, убирайся. Быстрее!

- Ну, дорогая, - мужчина насмешливо посмотрел на мгновенно слетевшего с кровати юнца, - зачем ты так? Апий, не торопись. И не надо меня стесняться. Не бойся, – мужчина улыбнулся. Его улыбка получилась приторной. Заметив её, юноша моргнул.

- Да, божественный господин, – опустив глаза к полу, ответил он.

- Вот и славно. Милая, ты готова?

- Уже всё, – скрепляя волосы заколкой, ответила та. – Уберитесь здесь. - Она едва указала на скомканную на кровати простынь, застывшим возле дверей из её покоев рабыням. – Ликена, - женщина обратилась к одной из рабынь, - уведи юношу тем же путём.

- Да, божественная госпожа, - склонив голову, ответила чернокожая Ликена.

- Милая.

- Да, дорогой мой супруг? – уже почти пройдя в открывшиеся перед ней двери, отозвалась она. Не обращая никакого внимания на склоняющихся перед ней рабов и стражу с той стороны покоев.

- Ты ведь не будешь против, если Апий, завтра придёт ко мне?

Так и продолжающий стоять возле кровати юноша, стесняющийся своей наготы и продолжавший смотреть под ноги, едва вздрогнул, успев расслышать последнюю фразу, сказанную в дверях уходящим из спальни жены правителем Цесса.

Пальцы едва коснулись листа. Это не позволялось: книга была стара, а правила строги. Но он не мог не ощутить шероховатой поверхности, не мог не провести, едва дотрагиваясь подушечками пальцев ведя их вдоль бегущего рябью текста. Так было всегда. Если он знал что в книге, на пергаменте, в манускрипте, содержится хоть малая толика знаний, событий

древних времён, позабытых прочими знамений, легенд: он жаждал коснуться их. Конечно, он знал, что, только прочитав написанное, постигнет его, но всё равно ему обязательно нужно было потрогать книгу, погладить листы. И тогда, тогда он словно чувствовал, как дышит на него давно ушедшее время. Как буквы, руны, иероглифы, начинают шептать голосами давно умерших героев, древних богов, рассказывая ему о своей судьбе, о том, что было. Что было...

Вдалеке, где-то за дальними стеллажами послышался шорох. Он был уверен, что это Идиго Увапий, старый смотритель библиотеки. Он знал его шаги, знал, как тот работает, как сортирует тексты, как протирает пыль. За то время, что он здесь провел, читая, читая, читая: он был способен по малейшему шороху одежд, по шарканью ног по полу определить, кто прошёл по огромному, рассечённому тысячами стеллажей залу императорской библиотеке Цесса.

- «Нет, это Идиго. Профессор ищет книги иначе», – уверенно кивнул себе он. – «О, а вот и сам доктор». – Услышал он, как ещё тонущий в звуке закрывшейся двери по залу ступает, шелестя тканью одежд, профессор Пройд Ивий Лигор, доктор истории, и самый близкий в этой стране ему человек.

Не торопливо, как он ходит всегда, профессор Пройд Ивий, уже почти подошёл к столу.

- Апий! – доктор улыбнулся. – И почему я не удивлён?

- Здравствуй, доктор, - Апий не вставая со стула, обернулся и так же улыбнулся профессору.

- Ты решил не ходить на игры? – без особого удивления в голосе произнёс Лигор.

- Нет. «Что в них хорошего?» Вы же знаете, они мне не нравятся. А эта книга...

Он не договорил, доктор положил свою ладонь на его плечо, и немного наклоняясь над ним, взглянул на раскрытый перед юношей фолиант.

- Ну-ка, ну-ка, - слегка прищуриваясь, пытаюсь разглядеть с высоты своего роста текст, полюбопытствовал Пройд. – Что это? Нет-нет, - он махнул рукой, - не подсказывай. Так, посмотрим. Это написано на кровейском. – Казалось, что доктор удивлён. – Да, определённо кровейский. – Он нагнулся ещё немного и, глядя в чернильные, глубоко въевшиеся в страницы буквы прочитал: - Прая эрерио одо. Экесто огнио долмани! Так было во все времена...

- Сияет Экесто огонь! – завершили они перевод уже на два голоса.

- Совершенно верно, - чуть сжав плечо Апия, сказал Пройд Ивий Лигор. – Баллады о жизни Экесто. Не знал, что ты знаешь кровейский. Это древний язык.

- Я пока ещё не всё понимаю. Вот, - Апий спешно, но очень аккуратно перевернул несколько листов книги, - вот здесь. – Юноша указал пальцем.

- Угур этими вектор. Следуй за дующим ветром, - вновь перевёл текст профессор.

- Понятно, - Апий сжал губы и задумался.

Пройд вновь улыбнулся. Профессор смотрел на склонившуюся над книгой макушку Апия.

- «Потрясающе умный мальчик». Сколькими ты уже владеешь?

- Двенадцать профессор, – немного смущаясь, ответил юноша. – Ну и вот, кровейский теперь.

- «Тринадцать! Подумать только. Тринадцать языков. И большая часть мёртвых, давно забытых... Потрясающе!»

Позади них послышалось шарканье старых ног смотрителя.

- Меня ищут? – спросил у него профессор. Библиотекарь просто кивнул и ничего не сказав, зашаркал обратно.

- Что ж, мне пора, - Пройд потрепал юношу по волосам. – А знаешь что? – уже собираясь уходить, добавил он. – Приходи вечером ко мне, прямо домой. – Предложил доктор. – У меня есть одна занятная вещица. Мне кажется тебе понравится.

На обернувшемся к нему лице Апия появилась улыбка:

- Я с радостью, доктор. Во сколько... - и тут он умолк. Его улыбка померкла, взгляд осунулся. – Я, я не смогу сегодня. – Отводя глаза в сторону, тихо произнёс он.

- Что-то случилось? У тебя неприятности? – спросил профессор, тут же почувствовав, как что-то неуловимо меняется в лице юноши. Словно оно попало под тень.

- Нет. Просто... просто сегодня у меня не получится. Может в другой раз? – с надеждой и, пытаясь улыбнуться, но у него это так и не получилось, спросил Апий.

- Конечно. Я всегда буду рад видеть тебя.

На миг воцарилось неловкое молчание.

- Мне пора, - наконец произнёс доктор Лигор. – Увидимся. И не читай так долго. А то станешь таким же слепым кротом, как и я. – Уже уходя, добавил Пройд.

Когда профессор ушёл, Апий ещё какое-то время просидел над книгой. Но теперь его мысли возвращались к предстоящему вечеру. К той грязи, что его ждала. И это никак не способствовало чтению. Он постоянно сбивался с мысли, перевод не давался. А текст всё время норовил куда-то уплыть, скрыться за пеленой предстоящего.

Юноша не весело улыбнулся. При этом улыбка у него вышла больная, дёрганая. Словно губы не хотели её. Апий встал, вздохнув, закрыл фолиант. Вернув книгу на место и попрощавшись с что-то буркнувшим в ответ зрителем, он медленно вышел из зала библиотеке. Спешить ему было некуда. А даже наоборот: он старался идти не спеша, надеясь так отсрочить вечер, растянуть время, уходя от неизбежного унижения. К сожалению, избежать этого он не мог.

- «Ну и ладно, - понимая, что больше оправдывается, подумал он, - это всего лишь тело. Не страшно. Здесь многие так живут. И не чего...» - Всё же его немного передёрнуло. Как юноша не крепился, не успокаивал себя, а его характер, его воспитание, взяли своё. Ему стало снова противно. Противно, отвратительно и, тоскливо. – Ну и пусть. – Зло прошептал он. – «У меня есть книги». – И выйдя из библиотеке на улицу, тут же окунувшись в солнечный свет и звуки, рождённые таким огромным городом как Цесс, Апий как и всегда в такие моменты стал вспоминать о прочитанных им деяниях древних героев. Таких несгибаемых и таких могучих. Жители легенд, усмиряли целые народы и даже побеждали богов. Их жизнь была не сладка. Они терпели и душевные муки и муки тела. И побеждали, справлялись с бедой, с напастями... Но юноше от этого почему-то всё равно легче не становилось.

Он брёл, даже не зная, куда идёт. Ноги сами несли его. Несли прочь. От ночи, от стыда, до сих пор тлеющего углями в его душе. От мыслей. От тяжёлого дыхания, и теперь, когда всё уже кончилось, теплом пара касающегося его ушей. И от этих слов, повторяющихся и каждый раз бьющих в затылок далёким звоном: - «Мальчик, мальчик, мой мальчик...»

- Помойся. Ванна ещё тёплая, – сказали ему, когда всё закончилось. Когда на спину больше не давило, прижимая к мягкой перине. Когда скользкие от масла пальцы отпустили плечи, а постоянно смачиваемые языком губы перестали касаться его ушей. – И можешь идти. Я позову. – И только фантомной болью ощущалось дыхание, и слишком медленно затихал звон слова: мальчик, мальчик...

Апий огляделся.

- «Что это? Невольничий рынок?» - юноша покрутил головой. Он и не заметил, как вышел к рынку рабов, где уже вовсю шли торги. Он видел стоявших на сколоченных деревянных площадках угрюмо смотревших в никуда рабов. Видел ещё сонных покупателей, явившихся пораньше в надежде приобрести что-нибудь стоящее. Слышал хвалебные речи торговцев, надеющихся поднять цену на свой товар.

- Вы только взгляните, уважаемые! Какие зубы! А сила! Просто великан. Он может трудиться с утра до ночи. Вы даже сможете выставить его на бои. И всего-то пятьдесят серебром. Уважаемые!..

- Девственница! Чернокожая нимфа! Двести монет... - расхваливал рабыню другой.

- «А там что?» - Апий всегда с отвращением относился к торговцам людьми. Он никогда не посещал рынка рабов, но шум, свидетельствовавший о разгоревшемся торге, чем-то привлёк юношу, заставил подойти к ещё одной торговой площадке. - «Интересно из-за чего всё это?»

Он легко протиснулся сквозь неплотную толпу и, не ожидая увидеть то, что всё же предстало его глазам, удивился: - Иг?!

Апий ещё ни разу не встречал живого жителя таинственного Иль'эфлона, но то что работорговец продавал именно ига, он был уверен.

- «Совсем ребёнок», - решил Апий разглядывая худого смотревшего перед собой, но не видевшего никого ига.

- ...сто серебром. Всего сто монет! - объявил свою цену хозяин. - Ну же, уважаемые!

- «Какой худой», - Апий ни как не мог понять, почему бы ему не развернуться и уйти. Он хотел уйти. Что ему здесь было делать? Но почему-то не мог. Просто стоял и смотрел на тощего ига. А иг... иг никого не видел. И отчего-то юноше вдруг показалось, что это существо сейчас где-то очень далеко. Он не знал почему, но он вдруг решил, что юный иг сейчас находится не здесь, на невольничьем рынке, а где-то ещё. Где-то очень...

- Сто десять, уважаемые. Ну же! - повеселевшим голосом крикнул владелец.

Апий не заметил, когда цена успела подняться. Но это говорило о том, что кто-то всё же решил приобрести эту диковинку.

- «Интересно, - вдруг подумалось ему, - а почему хозяин продаёт так дешево?» - он, конечно, не разбирался в стоимости живого товара, но мог представить, сколько будет стоить раб из нелюдей. И сумма, по его мнению, должна была быть куда как больше.

- ...кто ещё? Сто двадцать! Ну же...

- «Интересно, где ты сейчас?» - юноша, словно замороженный, продолжал смотреть на застывшего столбом ига. Он смотрел на его худые руки, на тощие плечи, на покрытую, как и у всей их расы, пятнами, голову.

А иг продолжал смотреть вдаль. Он не видел торгующейся за него толпы людей. Не слышал хвалебного голоса своего хозяина. Он всё ещё был очень далеко отсюда. И не стремился вернуться. Лишь его грудь и чуть выпирающие рёбра говорили, что он ещё дышит. Вдох. Медленно, очень медленно. Всей грудью. Выдох.

Апий едва что не слышал как воздух выходит из ноздрей с хрустальным, ничего не видевшим вокруг взглядом, раба. Иг выдохнул, юноша уже успел привыкнуть к его ровному дыханию, как вдруг, существо едва, совсем чуть-чуть повернуло голову. Иг словно почувствовал, что Апий им так заинтересовался. Их взгляды встретились. И тут, словно лёд под весенними, ласковыми лучами солнца, взгляд ига растаял. Он больше не казался хрустальным, а стал живым, тёплым, пронизывающим...

- О, Канд-мудрец! - прошептал поглощенный глазами ига Апий. Он хотел вырваться, отвернуться, но не мог. Просто не мог, был не в силах отвести взор от поглотивших его самого, целиком, глаз ига. Глаз, в которых он тонул, захлёбывался их глубиной. Он хотел дышать, он задыхался, силясь выплыть из водоворота, кружащегося во взгляде раба-нелюдя. И не мог. А иг продолжал смотреть. Иг смотрел молча, всё так же не шевелясь. И Апий не заметил как теперь и он совершенно не замечает толпу вокруг их. Только он сам и этот раб. Только его глаза и глаза ига. И вот, юноша, мальчик, житель таинственного, загадочного Иль'эфлона улыбнулся.

- Сто сорок монет! Раб продан! - довольный голос хозяина ига врезался в уши Апий. - Поздравляю с удачной покупкой, молодой человек.

Апий моргнул. Он вдруг понял, что торговец сейчас отчего-то смотрит именно на него.

- «Почему он смотрит на меня? Причём здесь...» - додумать он так и не смог. Он снова увидел ига. Встретил его взгляд, уже не найдя улыбки на худом лице юного раба, и тут же понял почему работорговец говорит именно с ним. Апий почувствовал себя плохо. Земля немного

качнулась. Юноша глупо улыбнулся и опустил ставшую такой тяжёлой руку. Руку человека только что купившего на невольничьем рынке странного, тощего, пугающего и... непонятного, раба-ига.

Ногти потеряли свою матовость стали совсем прозрачные. Кожа посерела. А полукольцо кутикул приобрело зеленоватый оттенок. Первый, едва различимый глазу ручеек потёк сначала с одного пальца, затем со второго. И вот, уже вся ладонь, окутавшись зеленовато-туманной дымкой, начала источать ставшие насыщенными, яркими, сливающимися в единый поток, ручейки колдовства. Чёрного заклинания. Магии, способной управлять мёртвой плотью. Дающей власть над уже умершим.

Мертвец открыл глаза. Внезапно. Не открыл - распахнул. И в этом ранее ничего не выражающем, мёртвом, бездушном, холодном взгляде сейчас можно было увидеть разум. Такой же холодный, как и сама плоть покойного, но живой. Любопытный, острый, хитрый. Внимательный.

- Готов?

- Да.

- Тогда направляй.

И повинувшись воле хозяина, мёртвая плоть сделала шаг. Ещё, ещё... Мертвец подошел к самому берегу. Сегодня спокойное море, лизнуло голые ноги, пробежало дальше и так и не найдя за что зацепиться откатилось. Вода была холодной. Но мёртвому было всё равно. Он ни чего не чувствовал. Он не испытывал ни озноба, не обращал никакого внимания на ветер трущщийся об его обнажённое тело. Он был мёртв. Единственное что он ощущал это чью-то волю, заставляющую его делать то, чего он не понимал. Волю, гонящую его в океан, заставляющую переставлять ноги, погружаться всё глубже. Ещё, ещё...

Хефф Дгоцер медленно, стараясь не разорвать связь с «куклой» опустился на огромный валун, краем глаза замечая, что и сам магистр последовал его примеру, присаживаясь на камень по соседству. Некромант уже не раз погружал свой разум в мёртвую плоть, но до сих пор не смог научиться не замечать привкуса мертвечины, холода и пустоты давно погибшего мозга. Постоянно манящей в себя бездны, вместо некогда обитающей там души.

То, что сейчас сделал он и его наставник, было опасно. Был велик шанс сорваться, уступить. Шагнуть в темноту и уже не вернуться назад. И он боялся. Конечно. Ведь он был живой. Маг знал, что думают об их, о некрмантах, другие. Но он был таким же человеком: с тёплой текущей по венам кровью, с мыслями и мечтами, со стремлениями к познанию мудрости и желанием любить. Так же как и они. Как и те, кто считал и некрмантов, повелителей мёртвых, такими же мёртвыми и бездушными, как и их «куклы». Кто их боялся. Просто ему повезло... или нет... родиться на закрытом от прочих, таинственном и мрачном, пугающем и проклятом острове мёртвых. На Нере.

И сейчас сидя на камне, маг смотрел и на почти что скрывшуюся в морской пучине куклу, и в то же время он видел, как его глаза заливают соленая вода моря. Он оставался и собой и присутствовал в мёртвом мозгу покойника, управлял им: задавал направление, переставлял ноги, видел его глазами. Рядом с его собственной куклой шагала кукла магистра. Мертвец в чьём теле сидел разум Занрази Варя, шёл куда как увереннее и даже уже обогнал мертвеца самого Хеффа. Хотя старый маг вошёл в своего некра гораздо позже Дгоцера.

- Не торопись, - магистр говорил тихо, абсолютно не волнуясь. И его голос успокаивал Хеффа, вселял уверенность. Маг знал, что если что-то пойдёт не так, его учитель успеет вмешаться, вытащить, не дать навечно остаться в мёртвом некресе оставаясь при этом и живым, но всё равно, что мёртвым, на берегу.

- «Если, не дай Нерг, я потеряю контроль».

- Здесь осторожнее. Помни про трещину, - напомнил магистр Занрази, предупреждая ученика о скором небольшом разломе, бегущем по дну. – Вон он, видишь?

- Да, - Хефф остановил своего некра, на самом краю трещины. Огляделся, смотря мёртвыми глазами куклы. Прикинул расстояние. И заставив некрота перепрыгнуть разлом, повёл его дальше в морскую глубину.

Их куклы шли ещё какое-то время. Дно всё больше уходило под воду. Хорошо, что наклон был совсем не большим, и вести мёртвых было довольно таки легко. Если конечно не считать, что вскоре видимость практически пропала совсем, и им пришлось наложить ещё по одному заклинанию, освещая океанскую темноту зеленоватым, могильным светом.

- Что-нибудь видишь? - через какое-то время спросил у него магистр.

Хефф немного помолчал, вглядываясь в пучину и силясь хоть что-то разглядеть.

- Кажется, нет, - наконец отозвался он. – Хотя погоди. Да! Вижу... «Хотя хотел бы не видеть».

- Я теперь тоже, - произнёс Варей. – Мы уже на плите. – Зачем-то добавил он.

Дгоцер и сам уже давно заметил это. Он видел, как под ногами его куклы мелькает узор плиты. Там где мёртвые стопы взбивали мелкий песок и ил. Но свет был ещё далеко.

- «И это хорошо, - решил маг. – Это значит: всё только начинается». - Он, как и его учитель, знал, что портал полностью пробудиться только когда узоры этой тысячелетия назад ушедшей под воду плиты полностью окрасятся бледно-голубым светом. Через мёртвые глаза куклы он посмотрел на толщу воды, давящей своей массой на плечи некрота. Маг считал, что им очень повезло, что они некроманты и могут отправлять вместо себя мёртвых в такие места, где живые не смогли бы выживать долго. Или совсем. И ещё он был рад, что магистр догадался оставить здесь одного из некротов. Он то и сообщил Занрази о несильном толчке: явном признаке того что портал пробуждается.

- Вижу некрота, - он сидя на берегу, кивком своей головы указал наставнику на оставленного им стража при этом смотря на того глазами своей куклы.

Магистр не ответил. Его некрот не спеша подошёл к стражу, и недолго посмотрев на его изъеденное рыбами и крабами тело, пошёл дальше.

Вскоре света просачивающегося из плиты стало достаточно, что бы они смогли хорошенько оглядеться.

- Ты заметил, - обратился к нему магистр, - какие части узора осветились первыми?

- Да. Хотя и не всё как мы и думали.

Сидящий на берегу Занрази кивнул.

- «Не всё. Совсем не всё», - он смог заметить то, что, скорее всего, укрылось от взгляда его ученика. Ученика, у которого и у самого уже давно были собственные ученики. – Ладно, мы увидели достаточно. Дальше оставаться в их головах опасно.

- Оставим их здесь?

- «Что ж, мудро», - не смог не признать старый Варей. – Так и поступим. Пусть смотрят. Ты своего оставь здесь, а я чуть ответу назад. «Так мы заметим больше».

- И что думаешь? – уже просто сидя на берегу, и не отвлекаясь на управление некротами, а как самые простые люди, спросил про всё увиденное учителя Хефф.

Старый маг не ответил. Магистр Варей поджав губы смотрел себе под ноги, одна из которых лениво шевелила мокрую гальку. Некромант думал. Дгоцер знал своего учителя, и поэтому благоразумно решил больше не отвлекать того от его дум.

- «Когда будет нужно, скажет всё сам», - решил он. Маг поднялся со своего валуна, и ещё раз взглянув на наставника, пошёл от берега прочь.

Дойдя до места, где они оставили свои экипажи, он обернулся и долго смотрел на плещущее внизу море. Воды оставались, всё так же спокойны, и не что не говорило о том, что они скрывают, и что может вскоре случиться.

Маг дождался, когда слуга откроет перед ним дверцу кареты и, взявшись за поручень и воспользовавшись ступенькой, он залез внутрь. Усевшись на мягкое сиденье небольшого дивана, Хефф откинулся на спинку и прислонил голову к раме окна.

- Можем ехать?

- Да, - ответил Дгоцер спросившему его дозволения Тибиду.

Дорога была каменистая и карету ощутимо трясло. Хефф продолжал молчать и просто смотрел в окно. Они ехали уже долго и молчание затягивалось. Вскоре показались шпили храма Нерга. Увидев храм, Дгоцер невесело улыбнулся. Он вдруг вспомнил, что люди на континенте считали что они, некроманты, не в ладах с могущественным богом подземного царства. Что будто бы повелитель загробного мира, в обиде на них. В обиде из-за того что они не дают умершим по праву принадлежащим Нергу явиться пред его грозные очи для суда страшного, но справедливого бога.

- «Глупцы, - беззлобно подумал маг. – Невежды. Просто невежды. Они не знают, что мы не враги Нергу. Они не знают, что часто мы пользуемся магией самого властителя подземелий».

- И?

- Что? – раздавшийся звук вывел Хеффа Дгоцера из задумчивости.

- Что? – передразнил его седевший напротив Тибид. – Что-то есть? Видели? Или это был простой толчок.

- Нет. Это не сдвиг пластов. Вернее он, но причина не в обычном землетрясении. Ты прав. Мы видели.

Тибид внимательно посмотрел на так и не оторвавшего голову от окна мага. Новость заставила задуматься и его.

- Свет едва пробивается. Пока что горит шестой и четвёртый ключ.

Тибид просто кивнул. Он понимал, о чём говорит Хефф, хотя и знал что само слово ключ здесь не совсем верно. Просто некроманты уже давно решили называть так некие общие группы узоров ключами, которые в свою очередь составляли ещё большую картину всего рисунка. С тех пор как узнали о скрытой под водами плите, плите покрытой древними, как сам мир письменами и узорами, явно могущественных заклятий, плите, что некогда была оставлена кем-то древним. Расой, уже давно ушедшей в небытие. Но расой могущественной. Расой, на чьём древнем знании, вернее на крупинках коего, теперь строиться всё высокое искусство волшебства и некромантии Нера.

- «Значит, древние не ошиблись. И что?» – сам у себя спросил он. – Хефф. – Позвал Тибид мага. Тот казалось полностью ушедшим в себя. – «А что если и в этот раз обойдётся? Ведь были же случаи. Лет семьдесят назад, кажется, - припомнил он, - вот так же мигнул свет и пропал. И суток не прогорело. Правда, - признался он, - в прошлый раз только один элемент единственного ключа и осветился...»

- Нет, Тибид. В это раз всё по-настоящему. Началось.

Тибид поморщился. Он не любил когда Хефф вот так вот, как и сейчас говорил, словно читал его мысли. Он, конечно, знал что это не так. Что это всё из-за их связи. Из-за тонкого душевного настроения друг на друга. Но все-таки... это было иногда неприятно.

- Сколько в этом случаи у нас времени? И каков сценарий, как считаешь?

- Не знаю. «Ничего я не знаю», - Хефф Дгоцер вздохнул. – Но думаю что это всё-таки портал. А вот куда он ведёт? Да и почему сейчас, да и вообще зачем? Не знаю.

- «Ну да. Об этом спорят с того самого дня как плиту нашли».

- Да и во времени, нет у меня уверенности. Плита большая. На ней дворец уместить можно. И кто скажет, сколько свету понадобится...

- И от чего это зависит.

- Вот-вот, – согласился с Тибидом Хефф. – Гадать не будем. Мы с Занрази оставили своих кукол там. Если будут перемены: сразу узнаем.

Оставшуюся часть пути до поместья Дгоцера проехали, говоря ни о чём. Больше молчали. Что не говори, а недавние события возвращали мысли к себе. Тянули словно магнит. И Хефф даже обрадовался, когда карета вошла в широкие ворота поместья, и он смог ступить на твёрдую почву устеленного каменными плитами двора.

- Подай обед на двоих, - проходя мимо слуги, кинул тому маг.

- Я вот что подумал, - проглотив небольшой кусочек рыбы, основного на острове Нер блюда, и отложив вилку в сторону, произнёс Тибид. Дгоцер жуящий свой кусок рыбы чуть вскинул бровь и Тибид продолжил: - ты же знаешь, есть версия, что таких плит не одна.

- Угу, - проглотив, выдавил Хефф. – Это бесспорно портал. А, следовательно, куда-то ведёт. – Чуть махнув рукой с вилкой, сказал он. – И, насколько тебе известно, никто на Мидгаре, не владеет магией способной мгновенного перемещения. «Ну, разве что боги». – Добавил он про себя.

- Но...

- Да-да. Есть записи, что, мол, когда-то, кто-то такое и мог, - говоря, маг покачал головой. – Но ведь нет ни одного не то, что письменного, устного свидетельства этому. Даже пусть не целого, элемент. Ты можешь мне назвать хоть один элемент такого заклатья? Вот.

- Я не могу. Но нельзя исключать, что устное всё же есть.

- Конечно нельзя, - соглашаясь с Тибидом, кивнул маг. – Более того. Возвращаясь к нашей плите. Я более чем уверен, что должен быть и приёмник. Скажем такая же плита.

- Согласен. Но как это активируется?

- Ну, здесь я не оригинален. Едва портал был найден, сразу же были озвучены все возможные варианты. Мне же остаётся лишь согласиться с одним из них.

- И каков твой? – деловито разрезая рыбу на части поинтересовался у Хеффа Тибид.

- Я склонен считать что, подчёркиваю, - маг приподнял палец, - если есть ещё одна плита, то и она сейчас «оживает». Думаю что после того как они полностью активируются можно будет просто входить в центр портала и тут же выходить из приёмника. Но, к сожалению пока этого не случится мы не в силах будем разобраться с сияющими узорами и принципом переноса.

- Тогда, вернёмся к тому с чего я начал. А что если, - Тибид на миг прервался, делая небольшой глоток из золотого кубка и вытирая салфеткой уголки рта, - что если шестой и четвёртый ключ, указывают нам на то, в какой стороне активируется ещё одна плита?

Дгоцер выпрямился, и чуть прикусив нижнюю губу, посмотрел в лицо собеседника.

- Очень может быть, - кивнул он. – Конечно, это не ново. «Но вполне вероятно». Но очень может быть.

- Тогда, если мы знаем вероятное направление? – медленно произнёс Тибид.

- Да, ты прав, - вставая из-за стола, отозвался Хефф. – Кстати, как тебе? – кивая на кубок перед Тибидом, спросил он, подходя к двери. Маг приоткрыл дверь и что-то сказал ожидающему за ней слуге.

- Недурно, - вновь поднимая кубок и делая небольшой глоток, ответил Тибид. – Ты же знаешь, что кровь свиньи мне нравится больше прочих. Вот только что за пряности ты добавил?

Хефф Дгоцер улыбнулся.

- Я чувствую красный перец, соль... - смакуя привкус крови из кубка начал гадать Тибид.

- И кое-что ещё. Я умолчу. Не обижайся. Просто хочу, что бы такое ты пил только в моём доме.

Не разжимая губ, Тибид улыбнулся в ответ. По его бледному, похожему на маску лицу, трудно было что-либо прочесть. Он, конечно, был благодарен Дгоцеру, но лишнее упоминание о крови проскребло в его голове коготками недовольства.

Вернулся слуга мага. Он подошёл к большому, просто огромному столу, за которым они сидели только вдвоём. Слуга принёс карту и уже начал её разворачивать, но Хефф остановил его, сказав, что тот может идти.

Развернув скатанную в трубу карту, которая заняла почти всю столешницу и, придавив углы столовыми приборами, маг, подзвав Тибиды, склонился над ней.

- Наша плита здесь, - найдя Нер и ткнув в него пальцем, сказал Хефф. - Четвёртый ключ, - маг приложил остриё ножа, - шестой. - Ещё один нож лёг кончиком лезвия к месту ключа, рукояткой указывая направление от плиты.

- Артана большая, - проследив взглядом линии, сказал Тибид. - Как думаешь?

Хефф просто пожал плечами: - Не знаю. Да где угодно.

- Но точно не рядом. Иначе, какой смысл.

- Вот что, схожу ка я с этим к магистру. «Всё равно я давно хотел на континент съездить». Тибид ещё раз посмотрел на карту.

- Ну, - произнёс он, - и где искать станешь? Сам же сказал: где угодно.

- Главное направление есть.

- А совет одобрит. Ведь не один Варей...

- Одобрит. «Уверен, что да». Надеюсь, ты представляешь всю ценность?

- «Ещё бы», - Тибид кивнул. - Да, за получить доступ к порталам...

- «Можно и повоевать немного». - Хефф Дгоцер так же кивнул. - Ну, вот и ладно. Пойду с этим к Занрази. Ты как? Если что, со мной?

В ответ Тибид снова улыбнулся, не разжимая губ.

- А ты представляешь, насколько эта поездка может быть опасна? - магистр Занрази Варей оторвался от прочтения сложных, непонятных для магов континентов, текстов. И не поворачиваясь к ученику, продолжил изучать свою работу.

- Конечно, - коротко ответил ему Дгоцер. Он так же смотрел на то, что сейчас корчилось на железном высоком столе, норовя вцепиться жуткими лапами в благоразумно стоящего немного в отдалении Варей.

Ужасное существо билось в агонии. Маг буквально мог ощущать его боль. Он бросил быстрый взгляд на учителя. Лицо старого некроманта оставалось беспристрастным к мукам его эксперимента. Наоборот, на нём даже можно было разглядеть некое любопытство.

- Увы, - вздохнул старый магистр. - «Не вышло». Идём, надо всё обсудить. - Он развернулся и взяв Хеффа под локоть повёл того рядом с собой.

Дгоцер немного повернул голову, замечая, что к умирающему в муках существу уже подходят двое ассистентов магистра. Некроманты простёрли свои ладони над корчившимся и выгибающимся на столе созданием. Крепкие железные обручи удерживали ноги и руки существа. Ещё один обруч впился в набухшую от усилий шею. Ему было больно. Он умирал.

- «Не одна смерть не должна быть напрасной», - подумал Хефф, успев, прежде чем уйти, увидеть, как в ладони некромантов потекла по нитям связующего заклятья жизненная сила неудачного эксперимента магистра.

Когда его ученик ушёл, Занрази Варей поудобнее уселся в глубоком кресле, вынесенном на широкий балкон слугами. В лицо мага дул пахнувший морем ветерок. Дышалось очень легко. Некромант, прикрыв глаза, откинулся на высокую спинку и стал слушать, как где-то над крышей перекрикиваются несколько чаек. Между их криками он мог слышать завывание ветра и трепетание позади него в проёме двери колышущихся, словно боевые знамёна, занавесей.

- «Как же хорошо...» - чувствуя полное успокоение, подумал он. – «Так бы и просидел весь срок. До самого конца». – На его морщинистом лице появилась отразившая ещё одну мысль улыбка: - «До конца. Хм. Забавно это слушать, ты не находишь?» - маг открыл глаза. – Забавно. – Ответил он сам себе.

Медленно ползущее по небу облако, на взгляд мага так напоминающее голову крокодила, наконец-то выпустило на волю тусклый красновато-жёлтый шар солнца. Вечер был очень красив. Несмотря на время, светило ещё доставало сил поливать чёрную океанскую гладь своими лучами. А волны, перекидывая лучики солнца, друг другу, играли с последним подарком Риолы.

- Ночью будут гроза, - вновь закрывая глаза и вдыхая всей грудью свежий пьянящий воздух, убеждённо произнёс он.

Какое-то время магистр Варей просидел молча, и даже стараясь совсем не думать. Сейчас, в эти минуты он просто наслаждался покоем. Маг умел и мог ценить жизнь.

- «Ха», - снова подумал он.

И он был прав. Думая, что такое заявление сильно бы удивило жителей континентов, так боившихся и призрававшие их – некромантов. И уважавших. Без этого было никуда.

- «Есть из-за чего», - Занрази тяжело встал и, подойдя к краю балкона с двух сторон поддерживаемого, словно живыми, скульптурами горгулий, опёрся ладонями о тяжёлую каменную ограду.

Сам магистр был одним из немногих, кто знал правду о прошлом. Об очень далёком и страшном прошлом. Он знал, что всё их искусство, вся мощь некромантии, всё непревзойденное прочими магами колдовство, строится на древних знаниях, на тех крупицах, что за тысячелетия смогли собрать его предки. Тех крохах, что таит в себе похороненная под океанскими водами земля, некогда бывшая частью целого континента. Континента, на месте которого сейчас лишь плескалось море. Море, да их не очень-то и большой остров Нер.

- Что ж, друг мой, - смотря в самую даль, туда, где изгибалась линия горизонта, вслух сказал магистр Варей. – «Пожалуй ты прав. Ты поедешь на континент. Мы будем первыми». – Подумал он, и, повернувшись, направился снова в дом, рукой отстраняя мешающую ему пройти занавесь.

- Так значит, все согласились? – чувствуя некое, пока непонятное ему возбуждение, спросил Хефф Дгоцер.

- Не все, - магистр сделал ещё пару шагов, расхаживая перед сидевшим в кресле учеником. – Но ты поедешь. Это решено большинством.

- «Спасибо».

- Однако, - старый волшебник остановился и посмотрел на Хеффа, - мы бы, - имея в виду совет, продолжил магистр, - не хотели, что бы к твоей миссии появился интерес.

- Понимаю, – кивком подтверждая ответ, произнёс Хефф Дгоцер.

- Поедешь ты, это само собой. Конечно твой Тибид, и... - Занрази немного выждал и добавил: - Дамир.

- Дамир? – немного удивился Дгоцер. – Но...

- Он поедет, - рукой остановив встающего из кресла ученика маг. – И мне так будет спокойней. Кроме того, - продолжил некромант, - через него у нас будет связь. Понимаешь?

Хефф вновь усевшись, только кивнул.

- «Конечно, это разумно, - подумал он. – Но...» - Дгоцер знал, что скрывалось за этим но. Так старый магистр не только оказывал ему услугу, отдав в сопровождение могущественного некроманта из живших, и не только обеспечивал возможность общения с Нером. Но и мог держать всю миссию под контролем.

- Прекрасно. На континент поплывёшь на «белом змее». Подумай, что может пригодиться. Ты должен быть готов ко всему.

- Я подумаю, - медленно кивая, ответил Хефф. Он был всё ещё удивлён тем, что ему выделяли «белого змея». Он-то думал, что ему снарядят обычный корабль, парусник. Но змей... Самый быстроходный корабль на всей Мидгаре. Длинный, низкий, способный скользить по волнам день и ночь. Ему не нужен был ни ветер, ни гребцы. По-крайней мере живые гребцы. Он был построен из редчайшего дерева, больше похожего на кость. Прочного и лёгкого. И один только вид его, отгонял прочь и пиратские шхуны, и даже боевые корабли королевств и самой империи.

- «И если бы только Нер захотел, - подумал Хефф Дгоцер, - на море у нас бы было полное господство».

- Так, что ещё? – между тем продолжал говорить Варей. – Думаю, что одного экипажа вам хватит. Двое слуг. Что ещё? – магистр вопросительно посмотрел на ученика.

- Думаю: всё, - ответил Хефф. – Ещё впрочем, возьму кое-что из наших запасников. – Маг с вопросом посмотрел на наставника.

- Возьми, я распоряжусь, - кивнул тот. И немного подумав, чуть закусив губу, добавил: - Я дам тебе посох Хторга.

- О-о... - все, что вначале смог сказать Хефф. – Благодарю, учитель. – Маг и вправду был поражён и доволен. Он несколько раз держал этот легендарный посох, найденный в одной случайно обнаруженной в горах гробнице в своих руках. Он слышал о его мощи, хотя ни разу и не видел в действии. Посох получил имя того мага которому посчастливилось когда-то обнаружить гробницу. Конечно, нечаянно. Просто она открылась после очередного оползня, а счастливцев Хторт, оказался поблизости. На посохе совершенно не было украшений. Он был гладкий и имел не одинаковую толщину, поэтому держать его было не очень удобно. Но зато его мощь... - Спасибо. – Ещё раз поблагодарил магистра Занрази Дгоцер.

Изящные, длинные пальцы, едва сжав прозрачную виноградину, отправили её в чуть приоткрывшийся, с в меру тонкими губами, рот. Вторая рука, с на каждый палец нанизанным перстнем, откинула упавший на глаза локон. Голое плечо чуть поднялось вверх, ловя на своей мраморной коже поцелуй губ супруга.

- Милый, ты отвлекаешь меня от танцев.

- Неужели, - уткнувшись ртом в кожу жены, ответил император, - твои танцоры важнее?

- Ах, - императрица накрыла своей ладонью руку супруга, - ты же знаешь: что нет. Хочешь, я прикажу всех прогнать?

- Ну, Лидин, это лишнее, - отстраняясь от жены и занимая своё место на мягких подушках, ответил он. – К тому же, мне и самому нравится.

- В самом деле? – оживилась императрица. – И кто? Нет, нет. – Остановила она его. – Дай я угадаю. – Лидин закусив губу и чуть сморщив лоб, принялась по очереди разглядывать танцовщиц. Наконец кивнув сама себе, словно убеждаясь в правильности выбора, она подняла руку и изящным движением ладони указала в зал: - Та с медовыми волосами, и... - она потянула время, прикидывая, могла ли она ошибиться, - эта мулатка. Да, та, что в прозрачном сари. – Кивнула она мужу, проследившему за её рукой. – Я права, Гран?

Правитель Цессарской империи захохотал: - Очень может быть, - отсмеявшись, ответил он. – Я гляжу, ты ещё сердисься на меня за Апия?

- Что? Сержусь? – Лидин даже фыркнула, показывая насколько ее возмутило нелепое предположение мужа.

- Ладно, ладно, я пошутил, - император снова наклонился и опять поцеловал её плечо. Впрочем, она всё же заметила, что муж с трудом сдерживает смех. – Мне нравишься только ты. – Уже отстраняясь, шёпотом, словно рассказывал страшную тайну, произнёс Гран.

По мимо воли Лидин улыбнулась, полностью повернувшись и хитро посмотрев на супруга.

- Милый, я знаю.

Высокий белокожий, из северян, раб, подошёл к ним с большим винным сосудом, заметив, что император и его супруга, давно не подымали свои кубки.

- Нет, - даже не взглянув на раба, остановил его Гран.

Лидин же продолжала снова смотреть в зал, и раб расценил это как её желание, налив до самых краёв высокий золотой кубок императрицы. Поклонившись не обращавшим на него внимания повелителям Цесса, склонившись, раб попятился назад. Звеня при каждом шаге полыми внутри золотыми браслетами, во множестве нанизанными на его ногу.

Этот варвар был высок и красив. Впрочем, подобное можно было сказать и о любом другом рабе императорской пары. Во всём дворце не было ни одного некрасивого слуги или раба. И Гран и его жена любили красоту. Например, император мог задержать выплату жалования своим легионам, тратя деньги на приобретения старинной и очень дорогой статуи, работы признанного мастера прошлого. Или же украсить стену спальни своей очередной любовницы мозаикой с рубинами и изумрудами. Так, просто что бы отвернувшись от нее, мог опять видеть красоту. Лидин была точно такой же. Их вообще объединяло очень многое. У них были похожие вкусы. У них даже, иногда, были одни и те же любовники и любовницы. Но самое главное у них была общая любовь. И Гран и его жена любили друг друга. Может по своему, не обычно, может немного извращённо, но любили. Сильно и крепко.

- Завтра я встречаюсь с твоим отцом, - откидываясь на подушки, и смотря в высокий потолок, вдруг сказал Гран. – Он привёз новости из Дортана. Кажется там проблемы с труинками.

- В самом деле? – падая на подушки рядом с супругом и кладя голову ему на руку, спросила Лидин. – Кто такие труинки?

- Племя варваров.

- Они все одинаковые, - серьёзно сказала императрица. – Они все варвары.

- Мда, - произнёс Гран. – О, смотри! – он указал рукой на одну из фресок на потолке. – Мне кажется, что тень на ней похожа...

- Развратник, - приглядевшись к тени Лидин толкнула мужа в бок, при этом, не забыв хихикнуть.

- Я устал, - немного помолчав, вдруг прошептал её муж.

- Отдохни сегодня. Выспись. Один.

- Нет, ты не понимаешь. Я и вправду устал. Мне всё надоело. Мне надоело постоянно удерживать в кулаке сенат. Мне надоело ныть генералов.

- Ну, милый, армия нам нужна, - она попыталась улынуться, но муж на неё не смотрел, уставившись в потолок и продолжая, не слыша её, ныть.

- Из провинций, особенно северных, постоянно приходят просьбы. То уменьшить налоги, то прислать ещё войск. Мне варвары надоели. – Теперь улынулся он. Но улыбка вышла вымученная и быстро погасла. – Они мне надоели даже больше чем протекторам. Мне надоели жрецы.

- Тише, не гневи...

Он снова не услышал её. Но повернулся на бок и, поправив под собой одну из подушек, прошептал: - Представляешь, Мидас, верховный жрец Кефона, намекнул что, мол, гневается божество. Храм, дескать, маловат. Новый нужен. А, какого?

- Нахал, - поцокав, весело сказала Лидин. И улыбнувшись, добавила: - Мидас конечно, не Кефон.

- Я устал, - снова прошептал император. И почувствовав, что жена сжимает его руку, сказал: - Я хочу тебя. Давай уйдём. – При этом чёрные глаза Грана блеснули.

- «Я тоже». Мы не можем, - близко, почти касаясь его рта своим, прошептала она, при этом взгляд её ореховых глаз бегал по лицу мужа загнанной ланью, - у нас приём, гости.

Император нехотя посмотрел в зал. Там продолжались танцы. Теперь это были одетые в пёстрые наряды махаджанапада мужчины, выдыхающие пламя и играющие на каких-то, диковинных на вид инструментах. А с двух сторон пола-сцены, были выставлены длинные столы полные яств и напитков. Гремела посуда. Стучали друг о друга дорогие кубки гостей: высшего света империи, иностранных держав, высоких военных чинов. Стройные рабыни бегали вдоль столов то и дело, подливая гостям. Стоящие за каждым сидящим на приёме рабы, были готовы исполнить любую прихоть дорогих гостей. Любую. Прихоть. Стоял гам, гул, разливалась какофония звуков.

Лидин вдруг показалось что, посмотрев на гостей, её супруг удивился. Словно он только теперь заметил где находится.

- «Милый...» - она снова нежно погладила его по руке и, не удержавшись, жарко впиалась в его рот губами. Но тут же отстранилась. – Хочешь, я сегодня приду к тебе?

Император Гран Октиний Креол медленно прикрыл и открыл глаза. Его длинные, пушистые ресницы просили императрицу прийти.

- Хорошо, - томно прошептала его жена. И ещё тише добавила: - Мне прийти не одной? Улыбнувшись жене, Гран промолчал.

В фонтане журчала вода. Она падала из раскрытой пасти чудовища прямо на стоявшего перед ним на одном колене героя. Герой прикрывался круглым щитом, во второй руке крепко сжимая короткую пику, уже почти что вонзившуюся в могучую грудь страшного зверя. Щит был выставлен так, что падающая вода омывала его целиком и, стекая сразу со всей его поверхности, падала дальше, скрывая под водной занавеской атлетическое тело воителя.

- Баррей и Навидов зверь.

- Древний герой, - добавил к словам императора, повернувшись к нему крепкий седоголовый мужчина. – Легендарный воитель Эдии.

- Рад тебя видеть, дорогой Атинай. Как добрался?

- Спасибо, Гран, дорога была спокойна, хвала Интану. Как живёшь ты? Как Лидин?

- Спасибо. Лидин в порядке. Как всегда стройна и красива. Кстати, у нас сейчас гостит и Урия.

Услышав имя своей младшей дочери, генерал Атинай Прайм Мирид, немного поморщился, словно откусил не совсем спелый абрикос. Император знал что Атинай не в большом восторге от своей младшенькой, и в этом Гран его всецело поддерживал.

- Но не будем беседовать здесь. Идём, - правитель Цессарской империи повёл своего гостя в личную часть дворца, которая была немного больше покоев его жены. – Выпьешь что-нибудь?

- Не откажусь, - кивнул генерал, накручивая на руку, мешающую при ходьбе накидку цвета спелой малины, и стуча о камень двора окованными золотыми пластинами сапогами.

Гран попытался спрятать свою улыбку, когда заметил взгляд Атиная, оценивающего прелести виляющей бёдрами полуголой юренийки, только что наполнившей генералу кубок, при этом сильно наклонившийся, да так что её крепкие груди, сосками смотрели точно в мыски сапог тестя.

- Кхм, - кашлянул император. – Итак, - сказал он, когда Атинай сделав несколько глотков, поставил бокал на невысокий стоящий перед ним столик, - какие вести ты мне принёс, друг?

Генерал потянул шеей: - На севере не спокойно. Легионов моей дивизии уже не хватает.

- «Не хватает? Что так?» - удивившись про себя, но промолчав, давая генералу договорить, подумал Гран.

- Ты же знаешь, мои солдаты находятся и в Шорме и в Дортане.

- Знаю. И у тебя целая дивизия. Десять легионов.

- Это так, Гран, - кивая, согласился с ним Атинай, при этом по его лицу становилось понятно, что он не очень доволен тем как начался разговор, - это так. Три в Дортане, остальные расквартированы в Шорме. Но в этом и проблема.

- Продолжай, - император не очень любил военных, но к своему тестю, именно как к командиру, относился с большим уважением.

- Если бы мы не отдали легионы князю Дортана в помощь, возможно, я бы и справился. А так...

- «Это уже серьёзно», - подумал Гран. Октиний Креол внимательно и остро посмотрел на своего генерала. – «Ну, что тебя беспокоит?» Ты мой лучший генерал, Атинай. Неужто...

- Варвары совсем обнаглели, - перебил императора воин. – Они спокойно заходят в Шорм. Не глубоко, но всё же. Мои легионы просто не в состоянии перекрыть всю границу. А их вылазки мне всё больше и больше напоминают разведку боем.

- Ты уверен? – Гран Октиний скептически вскинул бровь. – «Варвары?»

- Да, - генерал кивнул. – И мне кажется, - он наклонился и, взяв со столика кубок, снова отпил, - у них появился вождь.

Император Цесса вопреки ожиданиям Актиная встретил слова генерала совершенно равнодушно. Гран неспешно прошёлся перед столиком, не глядя на своего тестя и какое-то время задумчиво разглядывая ногти левой руки. Потом так же почти без эмоций, скорее с лёгким отвращением произнёс: - У них всегда появлялся лидер. Это происходит у всех народов, - он немного постоял в раздумчивости и добавил, - даже среди моих рабов, здесь, во дворце. Есть рабы, к которым другие невольники прислушиваются и почитают как лидеров. Так что? – он поднял глаза и встретился взглядом с отцом супруги.

- «Хм». Ты прав, конечно, - какое-то время, не отводя взгляда, но, всё же опустив взор, ответил императору Актиная. – Но, в этот раз это другое. «Я это чувствую». Я уверен, - встав и подойдя к Грану ближе, продолжил он, - в этот раз, это скорее похоже на союз племён, лет сто пятьдесят назад.

- «Это ты про нашествие галандаров?» Ты про битву Гурганда и Дола?

Генерал кивнул: - Про них. Гурганду удалось собрать достаточно большое войско среди дикарей. Он почти что дошёл до Цесса.

- И был разбит Долем, - парировал Гран. Он вдруг вспомнил, что большой любитель древности Апий, сейчас мог точно пересказать подробности той памятной до сих пор битвы. И ему вдруг расхотелось беседовать о ней с тестем, а оказаться совсем в другом месте и другой компании... Но он был вынужден продолжить: - Признаю, Долм только в последний момент понял всю серьёзность положения для империи. Но я не Долм! Да и такие как Гурганд рождаются среди варваров не часто. – Император усмехнулся.

- «Хвала Интану, что не часто», - так же, но с большим сарказмом усмехнулся генерал Актиная. – Я вот что скажу. Я все последние пятнадцать лет провёл в наших северных провинциях. Мне часто доводилось сражаться и с племенами аридаев и с гланадарами. И даже с северинами. А многие племена этих народов служат и в твоей армии Гран.

- «Говори короче», - императору уже совсем не терпелось поскорее вернуться в свои покои и приказать послать за молодым человеком, чьё тело так ему нравилось, а ум притягивал.

А генерал, не замечая на лице мужа дочери недовольства, продолжал: - И я видел, как они бьются. С каким безумием лезут в самую гущу! – глаза Актиная Прайма Мирида сильно расширились, словно в этот самый миг он вдруг очутился посреди битвы, которую сейчас представлял. – Это храбрые, часто безрассудные, не знающие дисциплины, но храбрые воины.

- Я понял тебя, Актиная, - немного сухо вставил, пока генерал не перевёл дух и продолжил, Гран. – И ты сам сказал: не знающих дисциплины. Мой дорогой генерал, - вдруг тепло улыбнувшись и подойдя к тестю и беря того под локоть сказал повелитель Цесса, - я

понимаю твоё беспокойство, за меня, за империю. – Намеренно поставив себя на первое место, продолжал он. – И конечно я доверяю твоему чутью. – Гран усмехнулся: - Ведь я женат на Лидин, а она вся в тебя. Так что я вынесу в сенат просьбу усилить наш северный контингент.

С самым серьёзным видом Атинай Прайм Мирид кивнул.

- Более того, - император вдруг расплылся в улыбке, а всё его лицо говорило о том, что Грана посетила блестящая идея, - я попрошу жрецов Федмы тебе помочь. Нет-нет, не благодари, - остановил он небрежным взмахом руки начавшего багроветь Атиная, - они ещё не согласились. К тому же нам ещё понадобится разрешение протектора Шора.

- Гран! – Едва сдерживая злость, чуть ли не выкрикнул генерал.

- Ты отобедаешь со мной и Лидин? Жаль, - произнёс, внутренне довольный собой, видя не то кивок, не то просто дерганое движение головы тестя император. – И не волнуйся. Разобьём мы твоих варваров. «С такой-то помощницей!..» И войска ты получишь! «И дочку. И внучку». – И ободряюще хлопнув на прощанье генерала по плечу, император Цесса направился в сторону дверей.

Чёрное, с тёмными малиновыми прожилками растянувшееся веретеном переливающимся энергией заклятье, стремительно ударило в стоявшую на постаменте вазу эпохи Эдии, испаряя ту в прах, в то, что меньше праха. В ничто.

- «Ненавижу!» - Леменида в ярости сжала пальцы в кулак. От чего ещё не отошедшая от следов заклятья рука приобрела багровый, как и её ярость, бушующая в груди, но быстро затухающий ореол. – «Уфф», - выдохнула верховная жрица, гася не желаемую проходить злость. – Да как он посмел?! Скотоложец! Урод! – Крикнула она ответившему тишиной залу крипты. – «И как она его терпит?»

Жрица медленно начала успокаиваться. Она посмотрела на то, что осталось от уничтоженной ей в гневе вазы. Вернее посмотрела на пустой постамент с немного проплавленным вглубь поверхности тёмным в патинах пятном. Ей стало гораздо лучше. Вид того что могло её могущество, её Сила, знание, что она не такая как никчемные жрецы прочих божков – успокаивало. Наливало разум и душу сладостным трепетом, чувством величия. Леменида уже не так была сердита на императора. Хотя, конечно, негодование из-за того что этот осёл смел велеть ей, Ей, едва вернувшись в столицу вновь отправляться в эту проклятую Нергом провинцию. А она так хотела снова пожить в столице. Да и дела, требовавшие её внимания в Цессе, тоже нельзя было откладывать на потом.

- «Я и так слишком долго провела в этом богами забытом Шорме. Кроме того, девочке тоже не помешало бы хоть немного пожить дома», - верховная жрица вспомнила долгою дорогу в граничащий с лесами варваров Шорм, принятие должности протектора и тут же путь обратно, и немного поморщилась. И хоть неблизкий, но такой скорый путь обратно и раздражал её, всё же больше она переживала из-за того что её воспитанница не достаточно долго провела при дворце. Леменида всеми силами старалась сделать так, что бы девочка как можно дольше была рядом с императрицей. Что бы и аристократия империи, и чиновники и члены сената, видели её как можно чаще в обществе правящей государством четы. И если Лидин не чаяла души в её деточке, то император хоть и не перечел в этом вопросе супруге, и даже, так же как и она привязался к ней, всё же относился с некой прохладой, и как думала жрица, смотрел на ту с тщательно скрываемой в глазах настороженностью.

- «А может, я слишком подозрительна?» - подумала Леменида, вспомнив, как Гран смеялся, когда маленькая Талана напросившись к нему на колени, вдруг потянулась к уху императора и что-то шепнула. – «Кажется, это было на приёме какого-то князька. – Она попыталась вспомнить, но не смогла. - Неважно».

Жрица мысленно махнула рукой, и снова посмотрев на след от своей магии, пошла к выходу из потайной крипты, спрятанной глубоко под единственным в столице империи храмом Федмы. Уже почти пройдя каменную арку выхода, она вдруг уловила лёгкий ветерок, дунувший в спину. Прохлада разлилась по коже верховной, разбегаясь мурашками и заставляя её передёрнуться. Леменида на мгновение застыла. Она очень хотела обернуться. Очень. Но не смогла. Не нашла силы. И молча, сделала шаг на выход, проклиная себя за слабость, за разыгравшееся воображение. За то, что до сих пор, спустя столько лет, ледяным камнем лежит на её душе. За то, что её совесть никак не может простить, каждый раз гоня её к выходу ветром-виной.

Поднявшись в основные помещения храма, Леменида прошла в центральный зал. Посетители для храма богини ночи были редки, поэтому пол был всегда чист и полы её одеяния скользили по ровно стесанным серым булыжникам не боясь перепачкаться. Жрица без мыслей пробегала взглядом по рельефным стенам храма. Федма была древней богиней. Но её времена расцвета прошли ещё в эпоху Эдии. Сегодня редкие храмы были пусты. А если посетители и приходили, то просили жрецов о том, в чём бы им отказали в храмах других богов. Да и не смогли бы исполнить. И эта была одна из причин упадка культа миража и морока: зависть. О, да. Богиня ночи давала своим жрецам то, что не могли дать другие боги империи. Магия Федмы могла многое. Многое из того что теперь считалось запретным. Что осмеивалось и заклеймлялось. Что считалось верхом безнравственности и упадка. Да, жрецы прочих богов постарались. За века, за тысячелетие: культ Федмы пришёл в упадок. Храмы опустели. Многие пришли в запустение и закрылись. Во многих теперь служили совсем другим божествам. Время и зависть сделали своё дело – к позабытой богине приходили теперь только в самом крайнем случае.

Леменида прошла половину зала. Сцены, изображённые на стенах, были выполнены руками мастера. Этот древний художник в полной мере сумел передать то, как выглядит обиталище божества в её истинном доме. В небесных, высших сферах Мидгары. Удивительным было то, что если смотреть на какую-либо сцену на стене прямо, то было сложно понять, что здесь изображено. Сцена словно плыла, не желала быть узнанной. Но стоило сделать шаг в сторону, и картина тут же менялась. Появлялись узнаваемые контуры: лица, тела, узоры... Шаг в другую, и казалось ещё миг назад узнанная и понятная сцена вдруг изменилась. Стала чем-то совершенно иным. Эта была великая метаморфоза. И именно так поступала и сама Федма, богиня ночи, миража и морока.

Почти дойдя до колонн, за которыми уже была видна дверь, жрица вдруг что-то почувствовала. Ощутила, словно чьё-то незримое присутствие давит на неё скрытым, потайным взглядом. Нечто подобное она чувствовала и в крипте. Но та причина была ей известна. А здесь, здесь было нечто иное.

Замешкавшись, оглянувшись назад, она продолжила путь к выходу, ступая между колонн. Тень, вдруг упавшая на её сандалию, заставила жрицу вздрогнуть.

- Прошу прощения. Я напугал Вас?

- «О духи адитая!» Я жрица ночи. Нет, конечно же, нет, - совладав с собой, мгновение, помешкав с ответом, чтобы её голос не дрогнул, монотонно ответила Леменида. – Кто Вы и что Вам угодно? Сегодня храм не принимает просителей.

Напугавший её человек, так внезапно появившийся на пути, выйдя из-за колонны вслед своей тени, качнул скрытой глубоким капюшоном головой. Леменида не поняла: то ли он говорил, что знает, что храм сегодня закрыт, то ли принимает её ответ. Посетитель вообще выглядел странно. На улице было жарко, а он всё равно кутался в шерстяной плащ с капюшоном. Из-под плаща выглядывали сбитые мысы тяжёлых сапог, покрытых тонким слоем пыли и с прилипшей к бокам подошв сухой грязью.

- «Шёл издалека? – гадала она. – Кто ты?» - Человек её озадачивал. Он был странным, она не знала в чём, но чувствовала что права. Весь его облик, хоть она и судила лишь по плащу, говорил ей: не доверяй!

- Простите, - его голос был сухим и каким-то далёким, жрица же подумала что это верно из-за акустики зала, - я не займу много времени.

- Хорошо. Говорите, у меня его мало.

- О, конечно, - странный посетитель медленно двинулся вдоль колонн. Он смотрел по сторонам, разглядывая то, как украшен храм. – Дело в том, что мне нужна помощь Федмы.

- Все приходят к богине за помощью.

Его капюшон снова качнулся.

- Да, да. Но... - он не договорил.

Лемениде показалось что посетитель заинтересовался одной из фресок, что и сбило того с мыслей. Он высоко задрал голову, устремив взор к самому своду. И жрица с удивлением обнаружила, что смотрит на нежданного гостя затаив дыхание, смотрит с надеждой, что ещё миг и покров слетит с его головы и тот потеряет весь свой облик таинственности, превратившись в ещё одного, самого обычного человека. В одного из тех, кто терзаемый своими желаниями и, не имея другого выхода, просит у неё помощи. Ей показалось, что гость услышал то, о чём она думает. Он опустил голову, и капюшон так и не упал, продолжая держать лицо человека в тени.

- ...моя просьба несколько, мм-ы, - попытался он подобрать слово, - необычна.

- «Все они у вас не обычны». Что же Вам нужно?

- Вот, - человек так быстро протянул руку, что жрица снова едва не вздрогнула. Она не заметила как, но до села в пустой руке, а Леменида была уверена, что рука гостя была пуста, теперь был неплотно скрученный свиток.

- Что это? – жрица богини с опаской посмотрела на вытянутую руку. Она отчего-то была уверена, что если возьмёт свиток, то всё изменится. Она не знала что именно. Не знала, почему она это чувствует. Но понимала, всё в ней кричало, что она права: измениться. Окончательно и бесповоротно. Её судьба, судьба людей окружающих её. Навсегда. И тут же она поняла, что уже стоит посредине главного зала. Что незнакомец как-то незаметно смог увлечь за собой и её. – «Да кто ты такой?»

- Это? – произнёс он так словно и сам был удивлён неведомо откуда появившимся в его руке свитком. Он задумчиво посмотрел на кулак, немного покрутив им. – Просто прочтите. – Сказал он и едва сдвинулся в сторону Лемениды.

Сдвинулся так, что жрице просто не оставалось выбора кроме как принять, словно висящий в пустоте свиток. Он, конечно, по-прежнему был зажат в руке гостя. Но верховная жрица, сейчас не видела ничего другого. Не видела незнакомца, не думала о том, что попросту может отказаться, уйти. Жрица облизала губы. Подняла, не отрывая взгляда от свитка, голову. Она попыталась увидеть лицо незнакомца, но тень надёжно скрывала его. И всё же Лемениде на миг показалась, будто в глубине капюшона, которая была гораздо больше, чем могло показаться, его глаза весело блеснули. И тогда в ней словно что-то щёлкнуло, что-то включилось. Быстро и не осознавая, она протянула руку и приняла из разжавшегося кулака свиток.

В храме богини ночи всегда стоял сумрак и полумрак. И что бы прочесть свиток жрице Федмы понадобилось сотворить заклинание, дававшее немного света - небольшое флюоресцирующее бледно-жёлтое облачко, упавшее на шероховатую бумагу. Едва Леменида смогла прочесть первые строки текста, она уже знала, что не откажет незнакомцу в его просьбе.

- Откуда это?

- Разве это так важно? – ответил вопросом он.

Леменида неопределенно покрутила головой.

- «Я всё равно это узнаю». Наверное, нет. И, - жрица на миг затаила дыхание, словно давая себе отсрочку, возможность передумать, - что вам за это надо? – всё же спросила она.

- Хм. Да что и всем. Но если в двух словах...

Жрица Федмы смотрела, как он делает шаг, подходя вплотную. Так что теперь она чувствовала запах плаща, ощущала тепло дыхания приближающихся к ней губ. Незнакомец наклонился, к самому уху. Он зашептал. Его губы были так близки, что изредка докасались до её уха. Её кожа увлажнилась, лоя на себе пар его рта. Слова гостя сладкой патокой втекали в её сознание. Она не слушала, она внемлила.

- Вот видите. Не просьба, пустяк, - произнёс гость, отступив на пару шагов назад.

Леменида молчала. Она всё ещё оставалась под впечатлением после того как услышала просьбу этого странного человека. Жрица смотрела на слегка шевелящиеся из-за сквозняка складки скрывающего лицо капюшона. Она попросту не знала, что и сказать.

- «Пустяк, - язвительно передразнила она его. – Ничего себе, пустяк! И откуда ты только взялся? Порази тебя Интан». – Леменида вздохнула. – Я постараюсь. – И ей показалось, что голос был не её.

- Я рад, - качнулся его капюшон. – Это нужно обязательно сделать до... - он снова оказался возле неё. И опять она ощутила тепло его губ. – Это важно. – Отступив, завершил он.

- «Время есть». Так срочно? Это будет стоить дороже.

- Хорошо, - не торгуясь, ответил таинственный проситель жрицы.

И верховная жрица Федмы вновь убедилась, что порученное ей дело сложнее, чем она думает, и что оно очень уж нужно этому типу.

Прождав ещё с миг её слов, но, не услышав их. Он, чуть наклонившись, развернулся и быстро зашагал обратно к колоннам. Едва спина посетителя скрылась за одной из колонн, Леменида сразу же направилась следом. Пройдя колонны, она с удивлением увидела что незнакомца больше в храме нет. И это вновь показалось ей странным. Она была уверена, что не услышала скрипа двери, и не заметила проникшего внутрь храма дневного света.

Улица встретила жрицу теплом солнца и резью глаз белизной неба. Она спешила, шагая очень быстро. Она надеялась, что сможет увидеть, куда пойдёт её посетитель, или в какой паланкин тот сядет. Но посмотрев по сторонам, она с некоторой печалью поняла, что гость уже куда-то пропал.

- «Всё-таки он какой-то странный», - подумала она, смотря на идущих мимо подножия храма людей. Все они спешили по своим делам, и им явно не было никакого дела до верховной жрицы богини Федмы. Ни до неё самой, ни до странного происшествия внутри храма. И тут совершенно случайно, её взгляд упал на странную пару, медленно идущую мимо храма.

- «Это кто, иг?» – немного удивилась она, поняв что возле стройного молодого человека, с потерянным взглядом идёт, приотстав на пол корпуса раб с Иль'эфлона. На рабе, который был на много моложе своего юного господина, был застёгнут потертый ошейник. Иг смотрел по сторонам, но особого любопытства в его взгляде Леменида не заметила. Жрица уже было собралась оставить эту пару в покое и переключиться на собственные проблемы, и уже начала поворачивать голову, как вдруг, раб-иг словно почувствовал её внимание. Он поднял голову вверх, что бы дотянуться взглядом до стоявшего на возвышении, на не особо высоком холме храма Федмы. Путники были достаточно далеко, что бы разглядеть их лиц, но Леменида почувствовала что глаза раба сейчас смотрели точно в её собственные. Его хозяин этого не заметил, он продолжал идти прямо, и игу пришлось повернуть голову и последовать за белокожим юношей. Но и этого краткого контакта жрице хватило, что бы заново ощутить, как мурашки разбегаются по её спине. А ещё, и Леменида понимала, что это полнейшая глупость, ей показалось, что этот иг все про неё знает.

- «Что за бред?» - она даже захотела потрясти головой, что бы выкинуть бредовые, одолевающие её мысли. И стоило, ей было подумать так, как она вдруг поняла, что и её недавний

проситель тоже знал кто она такая. Ни то, что она Леменида – верховная жрица богини ночи, а кто она такая действительно. Леменида – верховная жрица культа Ихисто. Бога и Зверя.

Глава 3

ГЛАВА 3

Колесница приближалась. Четвёрка могучих жеребцов - гривы, словно чёрное пламя, раскинули языки, ноздри раздуты, в глазах и безумие и ярость. Кто посмеет встать на пути? Кто преградит путь колесничему, одной рукой правящей этой четвёркой обуздавшей ветер? Возница храбр. А человек ли он? Или сам бог войны? Воин, правящий жеребцами крепко сжал в мускулистой руке поводья. Вторая его рука взметнулась вперёд и немного вверх. В бой – указывает десница возничего. Указывает без эмоций, без страха. И только гордо вздёрнутый подбородок воина говорит о его уверенности в победе. И только глаза чем-то напоминают плескающейся в них яростью взгляд его жеребцов. А у борта колесницы, справа её стороны, прямо стоит, пронзая само небо острием наконечника длинная пика, обвитая лентой знамени...

- «Ух, ты!» - едва не раскрывая рта от охватившего его восторга, воскликнул Соболя.

- Да-а... - согласился, видя проступавшие на лице ученика эмоции Велигор. – Сколько не хожу мимо, а всякий раз восхищаюсь. – Признался маг.

- Кто он? – Юноша остановился, высоко подняв голову и посмотрев на, словно падающие на него копыта коней.

- Дол. Император Цесса разбивший варваров и спавший империю, - ответил Соболю Лго. – Не помню, кажется, века два назад.

- У-у... - протянул парень. – А я думал какой-то из богов цессарцев. Бог войны. – Продолжая восхищённо смотреть наверх, поделился со спутниками он.

Соболя попал под впечатление бронзовой колесницы, словно мчащейся на него, на врагов, вперёд, и каким-то неведомым образом застывшей во времени – так великолепно и с таким реализмом создал своё творение неведомый ему мастер, едва смог разглядеть все детали этого шедевра искусства. Ему казалось, что замешательство пройдёт, время оживёт, сдвинется, и копыта жеребцов забьют по дороге, и заскрежешут колёса и раздастся боевой клич колесничего.... Так Соболя встретил Цесс. Поднятой на высоту десяти ростов бронзовой скульптурой императора Дола, установленной на арку под которой продолжала течь широкая река каменной дороги.

Юноша не знал, что он был таким не один. Что бронзовый император поражал многих гостей и даже привыкших к нему жителей Цесса. И поразить было чем. Сама колесница полностью стояла на арке, а вот мчащие её кони, касались мрамора своего постамента только копытами задних ног. Крупы всех четверых скакунов застыв, словно в беге, нависли над дорогой, далеко уходя вперёд молотящими воздух копытами ног передних. Снизу, обычным взглядом можно было различить точёный рельеф могучих мышц жеребцов. Увидеть раздувшиеся арки ноздрей. Заметить выпирающие набухшие вены. Стыдливо отвести взгляд от их, качающегося, в такт скачу, достоинства. Кони были словно живые.

- «Я не видел ничего подобного», - признался сам себе Соболя. – Но как её туда затащили? – Не мог понять он, с трудом представляя вес и настоящий размер.

- Хм, - двигаясь дальше сквозь арку, откликнулся волхв. – Поистине, архитекторы Цесса великие люди. Подожди, - пообещал он, - ты ещё увидишь храмы и сам дворец императора.

- И сенат, - добавил идущий немного позади них воин с Экры.

Когда они прошли арку, оставляя позади себя и Дола и колонны идущие крыльями в стороны от мраморной громады постамента, чернокожий Лго обернулся и, прищурившись, посмотрев, а спину бронзового императора хмыкнул: - «Бог войны... - он мотнул головой. – Ну, надо же».

- А что означают те щиты, ну те, на верху колонн. С цифрами? – спросил Соболя.

- Номера легионов, ал, вспомогательных частей. Всех тех, кто в той битве был с императором и отстоял Цесс, - объяснил юноше Лго. – Большие щиты, те, что ближе к арке – легионы. Поменьше – прочие.

- А... - кивнул Соболя, уже во все глаза, разглядывая уходящую вдаль широкую эспланаду. По сторонам которой выплывали, словно паруса кораблей, из белого мрамора, из розового, из гранита, чёрные, смешанных цветов, с позолотой и без – храмы имперских богов. – «Какая красота!» - вертя головой, боясь пропустить хоть малый кусочек этого великолепия, восхитился он.

Соболя редко бывал в больших городах. И друид и Лго всегда выбирали маленькие, больше похожие на большие деревни, городки. А такой как Цесс ученик мага даже не мог себе и представить.

- И знаешь что? Не ходил бы ты больше на тот рынок, - остановил Соболя волхв. – Рана только зажила. «Не твоё это».

- Да разве ж это рана? Царапина, - начал снова оправдываться его ученик, но заметив поползшие к переносице брови наставника, замолчал. – Не пойду. – Наконец пообещал он.

- Ладно, - кивнул маг, всё ещё хмурясь и не особо веря, уже не раз попадавшему в переплёт за те три с небольшим месяца, что они провели в столице империи Соболю. – И купи что-нибудь на ужин. – Крикнул он уже скрывшемуся за скрипнувшей дверью юноше. – «И сколько ещё ждать?» - зачем-то посмотрев на низкий потолок комнаты, мысленно обратился друид к давно ушедшему по каким-то своим делам Лго. Который просил обязательно его дождаться и который обещал вернуться к сроку прошедшему уже две недели назад.

Старый маг был не столько обеспокоен отсутствием чернокожего великана, к частым исчезновениям, как тот говорил – по делам, они с Соболю уже давно привыкли. Друида беспокоил юноша. Маг чувствовал, что Цесс совсем не место для непривыкшего к жизни, опасной жизни, на улицах такого громадного полиса как столица империи ученика. Соболя не знал людей живущих тут. Людей с множеством обычаем и разной веры. Людей опасных и хитрых. Приехавших в империю со всех земель Мидгары. Людей, которые уже успели причинить неприятности.

- Эхе-хех, - вздохнул Велигор, вспоминая те случаи, что успели приключиться с его молодым другом.

За время, проведённое в городе, Соболя уже успел несколько раз подраться. Получить рану ножом в тёмном переулке на западной окраине Цесса. Ещё несколько горячих голов, готовых ограбить или попросту избить юношу за неудачно оброненное слово или гордый взгляд или за не желание подчиняться, остудил Лго. Когда просто одним своим видом могучего чёрного расписанного татуировками тела, а когда и кулаком или палкой. Всё своё оружие, кроме ножа, великан оставил, как было предписано правилом, для не граждан империи, в специальном доме-казарме, едва они вошли в Цесс. А один раз, и волхв возблагодарил за это богов, он успел и сам. Друид вовремя смог разорвать нити плетения заклятия Соболя, которым разозлившийся ученик был готов наказать обидчиков, посмевающим потешаться над ним. А придя в дом, который они снимали, волхв отругал ученика, объяснив как опасно применять волшебство на улицах Цесса, да и на всей территории Цесарской империи.

- Скажешь, что боги наказать могут? – всё ещё дуясь на наставника, спросил тогда Соболя.

- Боги может, и нет, - спокойно ответил ему волхв. – А вот жрецы...

Вспоминая случившееся, старый друид сокрушённо покачал головой.

- «Нет, прийти в Цесс было большой ошибкой», - посмотрев на закрывшуюся за Соболю дверь и тяжело вздохнув, подумал он. – «И Лго, где тебя Адитай носит?»

Вначале ему всё казалось не обычным, странным. И постоянная, никогда не исчезающая до конца толпа, и высокие в основном белого мрамора здания. И колонны. Везде. Много колонн. У здания сената, у храмов, фонтанов, памятников... Ещё Соболя поразили дворец императора. Он думал, что это будет крепость, на вроде тех, что уже встречались ему, только конечно побольше. И как он удивился, когда впервые увидел его. Дворец императора Цесса стоял через площадь напротив уступающего ему в размерах здания сената. Велигор ещё тогда сказал, что это очень удобно, когда правитель и его чиновники находятся так близко друг к другу. И он – дворец, совершенно не походил ни на одну из видимых им крепостей. Возле него даже не было забора. Но он был красив. И это было второе, после колесничего встретившего его у входа в Цесс, что так поразило юного ученика волхва. Белый отполированный мрамор. Розовый мрамор, оттеняющий основной цвет дворца. Высокие рифленые колонны. Колонны гладкие. Ступени – широкие и длинные. Фонтаны вокруг дворца. И статуи. Статуи, статуи... Позолоченные, мраморные, бронзовые – натёртые до блеска. Мужчин: государственных мужей, воинов. Женщин, детей, животных. И конечно – гвардия. Воины, в белых с золотой каймой накидках, с начищенными доспехами и алыми гребнями на высоких шлемах. Те, кто уже несколько веков охранял повелителей империи, их жён, детей, родственников...

Соболь вспомнил, что Лго говорил ему, будто бы гвардия императора насчитывает десять тысяч воинов. А вся его армия – самое большое войско во всей Арте, а может даже и во всей Артане.

Ещё юношу поразили рынки. Их было несколько в Цессе, но самый большой располагался на юге города. Он был настолько огромен, так шумен и многолик. Он так странно пах: то ударяя в нос рыбой, то разъедая и нос и глаза пряностями. Он пестрел тканями, привезёнными из самого Индинагана. Разливался радугой камней чёрного континента изобилующего драгоценностями, спрятанными в его недрах. Рынок пел и ругался множеством голосов непохожих один на другой. Он был словно живой. И первое что сделал молодой ученик старого Велигора, это – потерялся. Потерялся в его шуме, в его руках многоголосой толпы, в складках одежды – его рядов с товарами. Такими разными и в таких количествах, что не возможно было и представить.

Несколько дней ушло у юного Соболя, что бы обойти и узнать это чуда столицы. Что бы понять, что не стоит здесь зевать ртом. Что нужно смотреть в оба. И что руки незнакомых тебе людей могут и ужалить локтем, и опустошить твой карман.

Другой рынок находился не очень далеко от того района где они сняли себе комнату. Района, в котором жило бедное население Цесса, и рынок этот соответствовал своим посетителям. Здесь же Соболь подрался в первый раз. И если бы не немного отставший, но всё же вовремя подоспевший Лго, и кто знает, может тогда Велигору и не удалось бы залечить все раны ученика.

В столице империи был ещё один рынок. Рынок рабов. И то, что там увидел юноша, надолго отбило у него охоту показываться в том районе. Соболь вообще с трудом мог себе представить, что люди позволяют так с собой обращаться. Сам он считал, что лучше сдохнуть, чем стать рабом и терпеть подобное. Он думал, что окажись он на их месте то обязательно попытается бы убежать, прирезав хозяина. И уж точно бы никому не позволил покупать и продавать себя за, пусть хоть золотые, деньги. Но если невольники вызывали у него жалость и некое презрение, смерившись с судьбой, то их хозяев он не понимал, задавая вопрос: «Как, как можно так обращаться с людьми? Торговать ими? Они ведь такие же. Как мы».

А спустя какое-то время, он вдруг заметил, что почти полностью освоился. Он уже не вращал так глупо головой, не удивлялся, сильно округлив глаза или раскрыв рот, не останавливался как вкопанный, когда видел дорогой паланкин с таинственным пассажиром, прячущимся за полупрозрачными шторками и которого выдавал только блеск золотых с драгоценными камнями перстней нанизанных на его пальцы и на миг поймавших солнечный свет.

И ещё он набрался опыта. И если первые дни в городе, он всюду ходил без опаски, просто не зная, что некоторых мест и людей опасаться, стоит, то сейчас, на собственной шкуре испытал и удары и холод железа, он стал осторожнее. Он больше не заходил без надобности в тёмные переулки нищенских кварталов. Не засматривался, глядя откровенно, что в Цессе было не почтительно, на благородных дам, особенно в сопровождении слуг и охраны. Не спорил с вороватыми торговцами, попросту перестав покупать у подозрительных типов их товар. И главное, по настоящему совету друида, ни разу больше не применив магию.

В этот день всё так же светило солнце. Соболь уже начал задумываться: «А бывают ли в Цессе пасмурные дни?» Каждый день, что они находились в городе, погода стояла ясная. Небо было голубым и даже казалось прозрачным. Иногда в этой бескрайней, глубокой синеве можно было различить, очень высоко, тоненькие прожилки растянувшихся в струну облаков. Юноша шёл куда не торопясь. Просто прогуливался. Последнее время Соболю нравилось ходить совершенно бесцельно по мощёным булыжниками улицам и смотреть на людей. Лица прохожих были совершенно непохожие. Чернокожие южане с континента Экра, что лежит через пролив от империи. Загорелые юренийцы, носившие до груди, завитые мелкими колечками бороды. Стройные в белых одеждах и странных головных уборах подданные халифата. Как правило, торговцы лошадьми и верблюдами. Встречались и сосредоточенные лица разодетых в яркие наряды представителей множества народностей Индинагана. Ему попадались и другие люди. Кого он пока признать не мог. Люди странные: с жёлтой кожей, с коричневой. И конечно, но реже, встречались ему и нелюди. Чаще всего на улицах Цесса можно было увидеть игов – жителей таинственного Иль'эфлона. Реже ийютов, с этого же континента, что лежит на западе от Артаны. Как правило, не высокие худые ийюты сопровождали ига, и гораздо реже шли, стараясь никого не задеть, в одиночку. А один раз, увидев вдруг куда-то потянувшуюся толпу, он поддался порыву и, повинувшись течению из спешащих людей, вдруг вышел на пристать, где как раз швартовался высокий, крутобокий корабль, разукрашенный в красный, розовый и лазурный цвета. Ещё подходя к пристани, Соболь узнал, что все спешат посмотреть на прибывших купцов с далёкого Видвелка – самого маленького континента Мидгары. Континента населённого странными расами существ. Континента, где вряд ли возможно встретить хоть одного человека.

- Вот, вот они! – кто-то крикнул в толпе первым разглядев зашевелившихся за высокими бортами судна существ.

- Ой, Риола – заступница! – взвизгнула, не выдержав напряжения какая-то девица.

- А какие они? Видел кто?

- А вот и поглядим. Эй, не толкайся!

Соболь слушал толпу краем уха. Он вставал на мыски, стараясь подняться над головами, качающейся как волна толпы. Ему натерпелось увидеть чудо. Но пока ничего не происходило. С той стороны борта кто-то перекинул деревянный трап, глухо ударивший о причал, и пока на этом всё кончилось.

- И что? Что сидят-то?

- А ты не понял? Солдат ждут.

- Каких солдат? – удивился первый голос. – Зачем?

- Да от нас защищаться.

- Вот те... Боятся они что ли? – удивлённо спросила одна женщина далеко позади Соболя.

- А ты себя видела? – весело выкрикнул какой-то шутник. – Любого Нерг хватит. – Добавил он и его смех потонул в общем хохоте повеселевшей толпы.

- Дорогу! Расступись! – и по брусчатке застучали идущие в ногу сандалии городской стражи Цесса.

Воины быстро оттеснили, словно саму по себе отхлынувшую немного в сторону толпу. Выстроились вдоль корабля, создавая небольшой коридор, и замерли в ожидании.

- Сейчас спускаться начнут, - предположил кто-то.

И словно дожидаясь именно этой фразы, из-за борта, ступая на трап, вышел...

- Оо-о!.. – потрясённо протянула толпа.

Житель Видвелка вышел на трап один. Но даже его одного доскам трапа хватило, что бы прогнуться и опасно затрещать. Казалось, что вот-вот и они не выдержат могучего тела грозно выглядящего существа. Но трап стойчески терпел, лишь поскрипывая под внимательно оглядывающим людей двухметровым великаном с зеленовато-серой кожей, чуть раскосыми большими глазами, сидящими глубоко под выпирающими вперёд надбровными дугами и с длинной чёрной косой, перекинутой через левое плечо купца облачённого в едва прикрывающую грудь жилетку, ярко-красную в жёлтых узорах и тёмно-синие шаровары, так же в жёлтых узорах повторяющих рисунок жилетке.

- Какой огромный!

- А кто они? Как называть то?..

- Говорят драугхары это.

- Сам ты драугхар, голожёрый, - отозвался голос, и как показалось Соболю тот же самый что и недавно развеселивший толпу.

Тем временем, что-то решив для себя, существо, как бы его не называли, быстро спустилось по трапу и тут же вслед ему ещё, один за другим, выбежало два таких же создания. Все они были похожи. Все высокие, с широкой грудью и покатыми круглыми плечами. Все в ярких одеждах и с длинными чёрными косами, свисающими с затылков выбритых наголо голов. Иноземные купцы окружённые солдатами городской стражи спешно покинули пристань, оставив несколько солдат для охраны судна и судачащую об увиденном толпу горожан.

Постояв немного и поняв, что ничего кроме спора о названии существ он тут больше не услышит Соболю пошёл обратно, думая по дороге о далёких землях Мидгары, о населяющих их существах и народах. Размышляя о том, как они могут жить, какая у них может быть магия и во что они верят и верят ли вообще?

Сегодня существа других рас почти не встречались. Он наткнулся только на двух иговрабов куда-то спешащих по делам хозяев. Постепенно ноги вынесли его к эспланаде. Он и сам не заметил, как оказался на огромной, вытянутой на много миль площади, вначале которой самый центр занимал храм пантеона восьми – главный храм верховных богов империи.